

МУЗЕЙ ОДНОГО ДНЯ

АННА ЛУНЦЕВА

Анна Лунцева

Музей одного дня

«Автор»

2026

Лунцева А.

Музей одного дня / А. Лунцева — «Автор», 2026

Ива Ренн умеет выращивать улицы из обломков решений, от которых люди когда-то отказались. Но однажды в корнях нового дома она находит музейный номер — знак того, что чужое прошлое присвоили без согласия. След ведёт на враждебный Берег Камня, где мосты пропускают лишь тех, кто честно называет цель перехода. Вместе с мостостроительницей Элиной Вард Иве предстоит раскрыть подлог, питающий прекрасный и опасный город: он обещает каждому безболезненную жизнь, уничтожая все несовместимые возможности. Чтобы вернуть жителям право выбирать разное будущее, Иве придётся отказаться от власти, которой она дорожила сильнее, чем признавалась, — и научиться любить человека, не требуя от неё общей дороги.

© Лунцева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Улица, которой не выбирали	6
Глава 2. Цель перехода	13
Глава 3. Мостостроительница	17
Глава 4. Кухня временного квартала	24
Глава 5. Осколок из музея	32
Глава 6. Проверка без доверия	39
Глава 7. Возможность в камне	45
Межчасть I. Каталог чашки	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Лунцева

Музей одного дня

От автора

Отказавшись от одного пути, мы не всегда уничтожаем его бесследно. Иногда остаётся ключ от непринятой квартиры, чашка из закрытого дома, билет на поезд, которым мы не поехали. Такие вещи могут казаться немymi, но рядом с ними особенно ясно слышно: другой выбор существовал.

Это история о людях, которые научились выращивать города из следов чужих решений и строить мосты из честно названных целей. Их ремесло приносит пользу, пока забота не превращается в право назначить всем одинаковое счастье. Героям придётся понять, что честность не требует знать себя навсегда, а хороший дом не обязан заранее решать, кем станет его житель.

Пусть музей в этой книге хранит не идеальное прошлое, а доказательство множества возможных дорог. И пусть мост выдерживает не безупречных путников, а тех, кто способен назвать, зачем делает следующий шаг.

Глава 1. Улица, которой не выбирали

Черепок был правильным.

Ива проверила это трижды: белая глина с синей полосой, скол старше десяти лет, на внутренней стороне — печать согласия прежней владелицы. Рядом лежало заявление, написанное без музейных формул и чиновничьих сокращений: чашкой больше не пользуюсь, дом на Мятной улице закрыт, возможность вернуться туда отдаю городскому питомнику.

Такие вещи прорастали спокойно.

— Ещё раз прочесть? — спросила Мелла.

Она стояла по колено в подготовленной гряде и держала черепок обеими руками. На зелёном фартуке темнели пятна глины, короткая коса выбилась из-под косынки. За оградой ждали будущие жильцы — двадцать семь семей временного квартала, комиссия Берега Садов и трое репортёров, пришедших посмотреть, как из старой чашки вырастет новая улица.

— Уже прочла вслух? — спросила Ива.

— Два раза.

— Тогда третий ничего не исправит. Что с корнем?

Мелла перевернула осколок. Из линии скола выступала тонкая белая нить.

— Спит. На воду не тянется. На руки не замыкается. Север различает.

— А чего хочет?

Ученица нахмурилась.

Садовники Берега любили говорить, что ростки ничего не хотят. Они следуют возможностям, как корни — воде, и нет смысла приписывать им человеческую волю. Ива сама так отвечала на заседаниях. Но в гряде, до появления первого фундамента, полезнее было задать неправильный вопрос и получить точное наблюдение.

Мелла прикрыла черепок ладонью.

— Вернуться, — сказала она. — Только не в старый дом. Во что-то, что узнает хозяйку.

— Хорошо. Сажай полосой к реке.

— В плане полоса смотрит на ратушу.

— План не чувствует течение.

Председатель комиссии кашлянул за оградой. Ива не обернулась. Если он хотел руководить посадкой, следовало надеть сапоги и войти в грязь.

Мелла сделала лунку, положила черепок и засыпала смесью речного и дворового грунта. Ива подала ей кувшин. Первая вода омыла только землю. Вторая нашла белую нить. На третьей гряда вздохнула.

Люди за оградой замолчали.

Из земли поднялась синяя дуга величиной с ноготь. Она развернулась в бордюр, выпустила по обе стороны каменные пластины и потянулась к пустырю. За ней показались ступени первого дома. Стены росли не вверх, а изнутри: сначала тёплая ниша печи, потом кухня вокруг неё, затем окна, двери и крыша. Так город помнил, что дом начинается не с фасада.

Мелла улыбнулась.

— Ровно по расчёту.

— Расчёт заканчивается через четыре сажени, — сказала Ива. — Смотри дальше.

Улица вытянулась на пятую. На шестой разделилась вокруг старой липы, не задев корней. Это было добрым признаком. На седьмой из земли вышла водосточная канава. Затем рост остановился.

Председатель комиссии начал аплодировать. Репортёры подхватили, будущие жильцы — не сразу. Они знали, что первые красивые стены ещё ничего не обещают. Город следовало

переждать до вечера, проверить двери, лестницы, дымоходы и то, не начнут ли комнаты подстраиваться под проходящих людей.

Ива вошла в первый дом.

Кухня пахла печёными яблоками.

Она остановилась на пороге. В гряде не добавляли ароматическую кору. Прежняя владелица чашки жила на Мятной улице, где пекли маковые лепёшки; яблоки в её заявлении не упоминались.

— Мелла.

Ученица появилась рядом.

— Чувствую.

— Окна.

Они открыли оба. Первое выходило на пустырь, как требовал план. За вторым был сад.

Не молодой городской росток с тонкими деревьями, а старый сад конца лета. Ветви гнулись под красными яблоками, дорожка уходила к низкому дому с зелёной крышей. За домом блестела река, но текла она не там, где Рубеж.

Мелла высунулась наружу. Её рука исчезла по локоть в тёплом свете.

Ива резко потянула ученицу назад.

— Не входить.

— Я только проверяла глубину.

— Рукой?

— Палку не взяла.

— Поэтому у тебя останется целая рука без измерения глубины.

Мелла хотела огрызнуться, но посмотрела в окно и передумала.

В саду появилась женщина. Седая, в жёлтом платье и домашних туфлях. Она несла корзину яблок, придерживая её бедром. У крыльца остановилась и подняла голову, словно услышала голоса.

За спиной Ивы кто-то вскрикнул.

Из будущих жильцов вперёд вышла Рема Сааль, вдова с двумя взрослыми дочерьми. Ива помнила её заявку: одна комната на первом этаже, место для ткацкого станка, никаких деревьев ближе десяти шагов — у младшей дочери сильная аллергия на цветение.

— Мама, — сказала Рема.

Женщина в саду улыбнулась и поставила корзину на ступень.

— Закройте окно, — сказала Ива.

— Подождите.

Рема шагнула к ней.

— Это моя мать. Этот сад был у нас до войны.

— Закройте окно, Мелла.

Ученица взялась за раму. Рема перехватила её руку.

— Она умерла двадцать два года назад.

— Поэтому это не она.

— Я вижу.

— Вы видите возможность, из которой растёт дом. Она не принадлежит посаженному черепку.

В саду седая женщина подняла ладонь. Рема ответила тем же движением.

Стены кухни дрогнули. Печь раздалась в ширину, на столе проступила ещё одна чашка. Белая, с синей полосой.

Ива ударила ладонью по аварийному побегу у двери. Внешняя стена раскрылась, пропуская людей обратно на пустырь. Мелла вывернулась из хватки Ремы и захлопнула окно.

Сад исчез. Осталось мутное стекло.

— Вы не имели права! — крикнула Рема.

— Имела, — ответила Ива. — До приёмки ростка доступ закрывает старший садовник.

— Вы всегда этим прикрываетесь.

— Сегодня — да.

Рема смотрела так, словно Ива второй раз отняла у неё мать. Возможно, именно это женщина сейчас чувствовала. Признать чувство не значило открыть окно снова.

Тая протиснулась между членами комиссии. На ней был белый кухонный передник, в руке она держала деревянную ложку.

— Рема, пойдём со мной.

— Я никуда не пойду.

— Тогда постоим здесь. Но отойди от дома.

— Ты видела?

— Видела.

— Это была она.

Тая не сказала ни да, ни нет.

— Здесь ты не одна. Девочки сейчас на кухне. Позвать их?

Рема закрыла лицо руками.

Ива отвернулась к гряде. Сестра умела оставаться рядом с чужим горем, не превращая его в задачу. Иве почти всегда хотелось что-нибудь проверить, оградить или пересадить.

— Всех за внешний плетень, — распорядилась она. — Комиссии тоже выйти. Мелла, перекрой воду и принеси корневую сетку.

— Росток уже зацепился за липу.

— Поэтому сначала сетка, потом обрезка.

Председатель комиссии подошёл ближе.

— Нельзя ли провести осмотр без эвакуации? Публика волнуется.

— Публика будет волноваться сильнее, если улица начнёт выращивать умерших родственников каждому прохожему.

— Не обязательно формулировать так громко.

— Обязательно. Иначе люди решат, что им показали чудо, а мы просто испугались.

Репортёры записали каждое слово. Председатель побледнел.

Мелла принесла свёрнутую сетку из ивового волокна. Вместе они накрыли грядку. Белые нити ударили снизу, и ткань вздулась, будто под ней ворочалось крупное животное.

Правильные ростки принимали ограничение спокойно. Этот искал слабое место.

— Документы, — сказала Ива.

Мелла достала папку. Печать согласия выглядела подлинной. Подпись прежней хозяйки чашки совпадала с реестром. Ива провела ногтем по синей полосе черепка. Под слоем земли проступила цифра.

Сначала одна: семь.

Потом ещё две, когда Мелла протёрла край рукавом.

731.

Ива знала эту нумерацию. Каждый ребёнок Берега Садов хотя бы раз ходил на ежегодную выставку и слушал, как зрители повторяют главное правило.

Экспонаты Музея одного дня нельзя продавать, дарить, дробить и сажать.

— Это не хозяйственная печать, — прошептала Мелла.

— Нет.

— Но заявление настоящее.

Ива посмотрела на закрытое окно. За мутным стеклом снова наливался золотой свет.

— Значит, настоящее заявление прикрепили не к тому отказу.

Под сеткой выросла маленькая дверь. У неё не было стены, только зелёная ручка и табличка с именем Ремы.

Та подняла голову.

— Оно меня зовёт.

Ива встала между ней и грядой.

— Я слышу.

— Отойдите.

— Не отойду.

— Это мой выбор.

Самые опасные слова часто были правдой только наполовину.

— Выбор требует знать, куда ведёт дверь и чья возможность её вырастила. Сейчас мы не знаем ни того, ни другого.

— А если я всё равно хочу войти?

Ива посмотрела на лицо Ремы, потом на Таю. Сестра едва заметно покачала головой: не отвечай вместо неё.

— Тогда я запишу ваше желание, — сказала Ива. — И не открою доступ до проверки происхождения. Это предел моей власти сегодня.

Рема заплакала беззвучно. Тая обняла её только после короткого вопроса, которого Ива не расслышала.

За рекой ударил каменный колокол. Мост объявлял дневной переход.

Ива сорвала с папки транспортную бирку. Поставка пришла с Берега Камня, из мастерской мостовых оснований. Внизу стояла фамилия ответственной приёмщицы: Элина Вард.

— Придётся идти к ним, — сказала Мелла.

Берег Камня называл живые города сорняками, а садовников — торговцами чужим сожалением. Последние два года ни одна совместная комиссия не продержалась дольше первого заседания.

Под корневой сеткой дверь постучала три раза.

Ива сложила документы.

— Сначала удержим улицу до вечера. Потом перейдём мост.

— Что скажешь у первой опоры, когда она спросит цель?

Ива посмотрела на музейный номер, на Рему и на дом, который уже знал, чего она хочет сильнее собственных слов.

— Правду, — ответила Ива.

Это было слишком общее слово. Мост такого не принимал.

К вечеру улица успела предложить ещё шесть жизней.

Председателю комиссии она вырастила кабинет с двумя дверями: за одной его благодарил весь Берег Садов, за другой никто не знал его имени. Репортёрше с медной заколкой показала типографию, где на первой полосе стояла её статья без единой редакторской правки. Мелле — мастерскую с собственной вывеской.

Ученица увидела её через щель в корневой сетке и тут же затянула ремень туже.

— Даже цвет угадало, — сказала она. — Я хотела синие ставни.

— Хотела? — Ива проверила узлы на углах гряды.

— Когда-нибудь. Не завтра утром и не из чужого черепка.

Ива кивнула. Хороший ответ не делал Меллу неуязвимой, зато оставлял ей пространство между желанием и поступком.

Они отвели от гряды воду, вбили семь ограничительных колышков и связали их нитью из горькой ивы. Обычно хватало четырёх. Улица толкалась под землёй, отыскивая память каждого, кто подходил ближе десяти шагов. Нить пела разными голосами: смехом, плеском, звонком столовой посуды. Ни один звук не принадлежал пустырю.

Тая увела жильцов в свою кухню, но сама вернулась с двумя мисками густой похлёбки. Одну протянула Иве, другую Мелле.

— Рема останется у меня до утра, — сказала она. — Дочери пришли.

— Она пыталась вернуться?

— Нет. Просила узнать, можно ли сохранить окно.

Ива посмотрела на первый дом. Снаружи тот казался безопасным: серые стены, ровный дымоход, закрытые ставни. Только яблочный запах теперь чувствовался даже у плетня.

— Нельзя сохранять приманку как память.

— Я не спрашиваю, можно ли. Я передаю её вопрос.

Так Тая напоминала ей о границе: садовница отвечала за рост, но не за чужую печаль.

— Запиши дословно, — сказала Ива. — И добавь: до выяснения происхождения ничего не уничтожаем, кроме того, что угрожает людям.

— Уже записала.

Тая присела на перевёрнутое ведро и посмотрела, как сетка приподнимается над маленькой дверью.

— Тебе что-нибудь показало?

— Нет.

— Потому что ты не подходила достаточно близко?

Ива зачерпнула похлёбку. Она успела остыть.

— Потому что мне некогда смотреть.

Сестра усмехнулась без веселья.

— Это тоже ответ, Ива.

Когда солнце коснулось крыш, рост замедлился. Мелла измерила натяжение корней, а Ива внесла в журнал всё, что улица успела построить без разрешения. Семь саженей мостовой. Один дом. Одно окно в невозможный сад. Одна дверь без стены. Шесть непрошенных обещаний. Ни одного подтверждённого владельца отказа.

Последняя строка выглядела хуже остальных.

В питомнике учили: происхождение важнее красоты роста. Из украденного решения мог вырасти прочный дом, но прочность не превращала кражу в согласие. Ива повторяла это ученикам и комиссиям. Теперь ей предстояло сказать то же людям, которые увидели умерших, несбывшиеся мастерские и безупречные первые полосы.

— Улица выдержит ночь? — спросил председатель из-за плетня.

— Если никто не войдёт.

— Это не ответ для протокола.

— Тогда запишите: объект изолирован до установления происхождения посадочного материала.

— А про музейный номер?

Ива подняла голову. Репортёры ушли, но у пустыря уже стояли люди, которых утром здесь не было. Новость об окне разошлась быстрее, чем корни под землёй.

— Запишите и номер.

— Может быть, сначала внутренняя проверка?

— Номер уже видели двенадцать человек. Если скрыть его сейчас, к утру их станет сто двадцать, и каждый будет уверен, что мы прячем не ошибку, а способ возвращать мёртвых.

Председатель сжал губы.

— Вы понимаете, что ежегодное открытие через семь недель?

— Поэтому особенно не советую лгать до него.

Каменный колокол ударил во второй раз. До закрытия дневного перехода оставался час. Мелла сняла фартук и потянулась за сумкой.

— Я готова.

— Ты остаёшься.

— Бирку нашла я.

— И улицу удерживать тоже будешь ты.

Уверенность сошла с лица ученицы.

— Одна?

— Тая останется у плетня. Ночной мастер придёт через четверть часа. Но журнал и решение об аварийной обрезке — твои.

— А если дверь пробьёт сетку?

— Не режь корень сразу. Сначала освободи восточный узел: рост пойдёт в канаву и потеряет форму. Потом режь белую нить на длину ладони от черепка.

— А если там появится моя мастерская?

Ива протянула ей печать старшего садовника.

— Тогда особенно следуй порядку.

Мелла взяла печать не сразу. Это была первая ночь, когда ей доверяли нестабильный росток. Ива могла бы остаться и сама; именно поэтому следовало уйти. Ученицу нельзя было обучить ответственности, забирая её при первом настоящем риске.

У плетня Тая догнала Иву и завязала на её запястье полоску зелёной ткани.

— Я не ранена.

— Это не повязка. Чтобы на Каменном берегу видели, откуда ты.

— Они и без того догадаются по грязи.

— По грязи решат, что ты упала. А ты идёшь как садовница.

Ива не сняла ткань.

Дорога к мосту спускалась между теплицами. Вечерний ветер перекачивал над крышами запах мяты, мокрой древесины и молодой штукатурки. За рекой стоял Берег Камня: прямые лестницы, светлые подпорные стены, башни с плоскими крышами. Там дома не выращивали. Их рассчитывали так, чтобы ни одна комната не зависела от чьего-нибудь сожаления.

У первой опоры очередь разделялась на три коридора. Возвращающиеся домой называли цель коротко: «к детям», «закрыть лавку», «сменить караул». Торговцы предъявляли описи. Один пожилой мужчина сказал: «попросить прощения у брата», и серебряная нить над перилами дрогнула, но пропустила его.

Ива положила ладонь на прохладный камень опоры.

— Назовите цель перехода, — произнесла смотрительница.

Можно было сказать: проверить поставку. Это было правдой. Неполной, удобной и потому опасной.

Ива подумала о Реме у закрытого окна. О настоящем заявлении, прикреплённом к чужой утрате. О фамилии Элины Вард на бирке и о том, как легко назначить виноватой незнакомую женщину с враждебного берега.

— Найти источник музейного осколка, попавшего в нашу посадку, — сказала она. — И добиться, чтобы Берег Камня признал свою ответственность.

Серебряная нить натянулась поперёк прохода.

Смотрительница подняла брови.

— Мост не принял.

Ива почувствовала, как за спиной растёт очередь. Раньше она бы уточнила формулировку, убрала лишнее слово, превратила желание в безупречную служебную цель. Но мост проверял не красоту фразы.

Она снова коснулась опоры.

— Найти источник осколка, — повторила Ива. — И доказать, что виноват не мой питомник.

Нить дрогнула, разделилась надвое и легла вдоль перил.

Проход открылся.

Две цели не стали одной только потому, что Иве хотелось выглядеть лучше. Она ступила на мост, пока город за её спиной держали семь колышков, одна ученица и вопрос женщины, которой улица предложила невозможное возвращение.

Глава 2. Цель перехода

На третьем шаге мост стал уже.

Ива остановилась. Позади серебряная нить уже закрыла вход для следующего путника, впереди каменные плиты тянулись к середине реки ровной светлой полосой. Но края ближайшей плиты медленно сходились под её сапогами.

— Не стойте на шве! — крикнула смотрительница с Берега Садов.

Ива переступила. Шов сомкнулся там, где секунду назад была её пятка.

Мосты не любили двух целей. Это знали даже дети. Две цели означали колебание, а колебание — лишнюю нагрузку на опоры. Поэтому разумные люди выбирали главную, называли её и оставляли прочее при себе.

Только сегодня прочее оказалось частью правды.

— Источник осколка, — произнесла Ива, двигаясь дальше. — Невинность питомника.

Слова унесло ветром. Под ними вода разрезала отражение моста на длинные дрожащие полосы.

У пятой опоры путь раздвоился.

Левый настил был сложен из знакомого пористого камня Берега Садов. Между плитами рос чабрец, а на дальнем конце зеленела арка возвращения. Правый уходил к строгой каменной лестнице чужого берега. Над ним висела табличка: ПРИЁМ ПОСТАВОК — НИЖНИЙ ЯРУС.

Ива знала, что левого настила здесь не было.

Она присела и коснулась травы. Чабрец пах настоящим. В щели темнел садовый грунт, влажный и рыхлый. Мост не создавал видений; он строил направление из возможности, которую путник принёс к опоре.

— Доказать невинность и вернуться, — сказала Ива.

Левый настил окреп.

Так просто. Перейти, предъявить бирку, получить подпись виновного, вернуться до ночи. Питомник сохранит лицензию. Комиссия объявит поставку испорченной на другом берегу. Никто не станет спрашивать, почему старшая садовница не заметила музейный номер до посадки.

На правом настиле проступила трещина.

Ива выпрямилась.

— Найти источник, даже если он на нашем берегу.

Чабрец между левыми плитами посерел. Правый путь перестал крошиться.

Мост не выбирал за неё. Он только делал видимым то, что она пыталась уложить в одну аккуратную фразу.

Ива ступила вправо.

Раздвоение сошло за спиной. В тот же миг под ладонью, лежавшей на перилах, что-то дёрнулось. Камень стал тёплым и податливым, как глина. Из него выступил маленький лист — первый, ещё сложенный пополам.

Ива отняла руку.

На мостах ничего не росло. Корни живого города могли оплести береговую опору, но серебряная жила в кладке останавливала их у первой пяди.

Лист раскрылся. На нём синела тонкая полоса, такая же, как на черепке номер 731.

— Не трогать!

Голос пришёл с Каменного берега.

По правому настилу быстро шла высокая женщина в серой рабочей куртке. Она не бежала, но люди перед ней прижимались к перилам без просьб. На поясе висели молоток, отвес

и катушка серебряной мерной нити. Тёмные волосы были коротко обрезаны у подбородка, левый висок пересекал белый шрам.

Женщина остановилась по другую сторону листа.

— Уберите ногу со шва, — сказала она.

— Это уже советовали.

— Значит, вам необычно везёт с хорошими советами.

Ива переступила на целую плиту. Женщина опустила на колено, не касаясь ростка, и провела над ним серебряной нитью. Нить выгнулась к листу.

— Садовый корень, — сказала Ива.

— Я вижу.

— Здесь не должно быть садовых корней.

— И это вижу.

— Тогда, возможно, вы скажете что-нибудь, чего не вижу я.

Женщина подняла голову. Глаза у неё были светлые, почти бесцветные.

— Вы принесли его с собой.

— На подошве нет грунта с посадки.

— Я не сказала «на подошве».

Она закрепила один конец нити на перилах, второй обвела вокруг листа. Серебро не затянулось петлёй, а образовало просторную рамку.

— Цель перехода? — спросила женщина.

— Я уже назвала её смотрительнице.

— Мостовой мастер спрашивает не из любопытства. Что вы сказали?

Ива показала транспортную бирку.

— Найти источник музейного осколка, который попал в посадку. И доказать, что мой питомник не виноват.

Женщина перевела взгляд с бирки на зелёную повязку Таи.

— Две цели.

— Обе честные.

— Честность не делает их совместимыми.

— Однако мост пропустил.

— Мост сейчас выращивает лист из камня.

Это было справедливым возражением, и потому особенно раздражало.

Женщина взяла бирку. Её лицо не изменилось, когда она увидела подпись.

— Элина Вард? — спросила Ива.

— Да.

— Вы приняли ящик.

— Я приняла вес и целостность пломб. Содержимое подтверждал ваш питомник.

— Внутри оказался музейный экспонат.

— Внутри чего?

— Черепка, если вам нужна грамматическая точность. Поставки, если ответственность.

Элина поднялась. Она была выше Ивы на полголовы, но не приблизилась ни на шаг.

— Если бы музейный предмет прошёл через основание моста, серебро отметило бы его.

— Не отметило.

— Следовательно, он не проходил.

— Или ваша отметка не работает.

— Тогда этот мост лежал бы в реке.

Под ними прошла грузовая лодка. Лодочник поднял руку, и Элина машинально ответила. На короткий миг её резкость исчезла; затем взгляд снова остановился на бирке.

— Где осколок сейчас?

— В гряде. Из него выросла улица.

— Вы посадили предмет с непрочитанным номером?

Вопрос был задан спокойно. Ива предпочла бы обвинение.

— Номер находился под поздней глазурью или проявился после воды. Мы проверим.

— Но посадили вы.

— Да.

Лист между ними потемнел и выпустил второй стебель. Тот потянулся не к Каменному берегу, а назад, к садам.

Элина быстро размотала ещё одну нить.

— Не двигайтесь.

— Если вы снова скажете, что я принесла корень, объясните как.

— Вы принесли не корень. Вы принесли развилку.

Нить легла поперёк настила. Один её конец засветился зелёным, второй — глухим белым.

— Мост пытается дать каждой вашей цели отдельный путь, — сказала Элина. — Если они разойдутся до следующей опоры, пролёт треснет вдоль жилы.

— Что требуется?

— Отказаться от одной.

Ива посмотрела на далёкие теплицы. Там Мелла несла её печать и ждала ночного мастера. Там Рема могла снова подойти к двери. Одной подписи с Каменного берега хватило бы, чтобы снять с питомника подозрение, но не чтобы понять, кому принадлежал отказ внутри черепка.

— Нет.

— Это не спор на комиссии.

— Я не могу отказаться искать источник.

— Тогда откажитесь от невиновности.

— От права её доказать?

— От цели доказать заранее.

Ветер прижал зелёную ленту к запястью Ивы. «Ты идёшь как садовница», — сказала Тая. Не как защитница безупречного отчёта.

Ива положила ладонь на ближайшую плиту.

— Я хочу, чтобы питомник оказался невиновен, — произнесла она. — Но моя цель — узнать, как экспонат попал в гряду и кто использовал чужой отказ.

Белый конец нити погас.

Росток втянул второй стебель. Первый лист остался торчать из камня — невозможный, маленький и упрямый.

Элина не убрала рамку.

— Теперь мост выдержит до осмотра.

— Значит, я могу пройти?

— Нет. Теперь вы можете вернуться.

— Мне нужен архив приёмки.

— А мне нужно закрыть пролёт, который вы заставили выбирать между двумя направлениями.

Ива почувствовала знакомое желание взять разговор в руки, как секатор: отсечь всё лишнее, оставить один рабочий побег.

— В моём квартале заперты двадцать семь семей. Улица предлагает им чужие жизни. Вы подписали бирку, которая привела меня сюда. Я не уйду с формулировкой «мост выдержит».

Элина медленно сложила бирку пополам, совместив края, но не заломив бумагу.

— А я не поведу человека с незавершённой целью в основание, где хранятся журналы поставок.

— Моя цель завершена.

— Вы отказались от одного доказательства. Это не то же самое, что перестали защищать питомник.

— Вы требуете, чтобы я перестала?

— Я требую, чтобы вы знали разницу.

Несколько мгновений слышны были только река и тихий звон серебряной рамки вокруг листа.

Ива не любила Элину Вард. Это было удобно, ясно и почти наверняка преждевременно.

— Хорошо, — сказала она. — Какое действие убедит вас, что я знаю?

Элина впервые посмотрела не на повязку, бирку или грязные сапоги, а прямо на неё.

— Оставьте здесь печать старшего садовника.

Печать была у Меллы.

Ива невольно улыбнулась.

— Не могу. Я уже отдала её ученице, чтобы она имела право уничтожить мой росток, если он станет опасен.

Элина задержала взгляд на её лице. Потом сняла серебряную рамку с перил.

— Тогда, возможно, вы не безнадёжны.

— Это разрешение пройти?

— Это разрешение идти рядом со мной и ничего не трогать.

Они двинулись к Берегу Камня. Лист остался позади под серебряной рамкой, а впереди под лестницей уже зажигались рабочие фонари.

— Ива Ренн, — сказала Ива.

— Я знаю. Ваше имя стоит на акте посадки.

— Быстро получили копию.

— Она пришла раньше вас.

Ива остановилась.

Элина сделала ещё шаг и обернулась.

— Во сколько?

— За сорок минут до дневного колокола.

В это время черепок ещё лежал в земле, а музейный номер скрывала грязь.

— Кто отправил акт?

— Вот это, — сказала Элина, — первый полезный вопрос, который вы задали на моём мосту.

Глава 3. Мостостроительница

Лестница под Берегом Камня уходила вниз не по прямой, а складывалась вокруг опоры, как мерная лента вокруг запястья. С каждым витком река поднималась всё выше — сначала до колен, потом до плеч, потом над головой. За толстыми окнами проплывали водоросли и серебряные тени лодок.

Ива шла за Элиной, считая двери.

Первая была отмечена молотком, вторая — весами, третья — перечёркнутым глазом. Возле четвёртой Элина приложила к замку два пальца и назвала цель:

— Сверить преждевременный акт с журналом приёмки.

Замочная пластина потеплела, но не открылась.

— И установить источник музейного экспоната, — добавила Ива.

— Здесь дверь спрашивает меня.

— Тогда почему ждёт ответа от обеих?

Элина посмотрела на тонкую зелёную жилку, проступившую по краю замка. Такая же синяя полоса была на черепке. Ива не прикоснулась к ней, хотя пальцы уже помнили гладкость поздней глазури.

— Потому что вы всё ещё несёте развилку, — сказала Элина. — Или потому, что она пришла раньше нас.

Она вынула из кармана короткий серебряный штифт, вставила в скважину и повернула. Дверь отступила в стену.

Нижний архив оказался суше питомника в полдень. Вдоль круглого зала стояли каменные шкафы; между ними ходили цепочки медных табличек. Каждая табличка добиралась до нужной полки, ныряла в щель и возвращалась с тонким листом слюдяной бумаги. Над центральным столом висели семь часов. Шесть показывали разное время обоих берегов, седьмые стояли.

— Почему эти не идут? — спросила Ива.

— Время последнего неподтверждённого документа.

Стрелки замерли без двадцати одиннадцать.

За столом сидел юноша в сером фартуке и чинил треснувшую табличку. При виде Элины он накрыл трещину ладонью.

— Мастер Вард. Я уже отправил уведомление наверх.

— Кому?

— Дежурному хранителю.

— Я спрашиваю, кому именно.

Юноша сглотнул.

— Господину Лорану.

Ива запомнила имя. Элина, кажется, запомнила его испуг.

— Рил, открой журнал ранних копий за сегодня.

— Без хранителя нельзя.

— Можно при угрозе опоре.

— У нас угроза опоре?

— На пятом пролёте вырос садовый лист.

Рил посмотрел на Иву так, словно она принесла лист под языком.

— Я ничего не сажала на мосту, — сказала она.

— Садовники всегда так говорят, когда рост уже виден.

Элина положила транспортную бирку на стол.

— А мостовики всегда обвиняют до сверки? Открой журнал.

Рил провёл медной табличкой по краю стола. Из ближайшего шкафа пришла пустая лента, легла перед ним и начала темнеть строками.

Ива наклонилась. В левой колонке значилось время, в средней — документ, в правой — способ поступления. Большинство актов пришли с курьером или прошли через мостовую жилу. Напротив её имени было написано: «копия акта посадки 44-Б», а вместо способа — «внутреннее продолжение».

— Что это значит?

Рил ответил не сразу:

— Документ составлен здесь из документа, который уже находился в архиве.

— Мой акт не мог здесь находиться. Я подписала его после рассвета.

— Подпись ваша, — сказал Рил.

Он отправил табличку к шкафу. Вернулась та с листом серой бумаги, на котором Ива увидела собственный почерк: глубина посадки, состав почвы, номер разрешения, имена двадцати семи переселяемых семей. Внизу стоял оттиск её печати.

Только печать этим утром оставалась в красном футляре до того мгновения, когда Ива отдала её Мелле.

Ива прочла акт второй раз.

— Это не мой документ.

— Почерк ваш, — повторил Рил.

— И ошибки мои. Здесь я написала «суглинок» через пропущенную букву. Исправила перед подписью.

Элина поставила рядом чистую слюдяную пластину.

— Назовите ещё отличие.

Ива провела ногтем над строкой, не касаясь чернил.

— Двадцать семь семей. Утром было двадцать шесть. Рема Сааль попросилась после первого колокола, и я внесла её отдельно. Тот, кто сделал эту копию, знал окончательный список, но пользовался черновиком.

— Значит, видел ваш рабочий лист после первого колокола, — сказала Элина.

— Или знал, кто придёт.

Рил отодвинулся вместе со стулом.

— На Каменном берегу такого списка не было.

— Я пока не обвиняла Каменный берег.

— Вы пришли сюда с музейным черепком и поддельным актом.

— С копией поддельного акта, которая уже была у вас.

— Довольно, — сказала Элина.

Она не повысила голоса. Просто положила серебряную нить поперёк стола, разделив Иву и Рила. Нить лежала свободно, но спор оборвался, будто между ними возвели перила.

— Где исходный документ? — спросила Элина.

Рил указал на шкаф под остановившимися часами.

— В ячейке продолжений. Но открыть её может хранитель.

— Или мастер при угрозе опоре.

— Лист на мосту ещё не угроза архиву.

Словно услышав, зелёная жилка на двери стала толще. Она прошла по стене, нырнула под шкаф и поднялась к ячейке продолжений.

Внутри шкафа что-то тихо постучало.

Раз.

Пауза.

Два раза.

Ива знала этот ритм. Так корень проверял пустоту за камнем перед тем, как выпустить побег.

— Теперь угроза достаточно близко? — спросила она.

Элина уже разматывала нить.

Она обвела шкаф не петлёй, а прямоугольником, закрепляя углы серебряными гвоздями. Ива оценила точность: ни один гвоздь не перекрывал возможный путь корня, зато каждый мог принять нагрузку, если дверца лопнет.

— Что будете делать, если там рост? — спросила Элина.

— Сначала выясню, к чему он тянется.

— Неправильный ответ.

— Зато честный.

— Правильный — отойдёте за нить и позволите мне открыть.

— Тогда зачем спрашивали?

— Проверяла, умеете ли вы подчиняться чужому ремеслу.

— Вы уже решили, что не умею.

— Я надеялась ошибиться.

Рил смотрел то на одну, то на другую. Ива отступила за серебряную границу.

— Открывайте, мастер Вард.

Элина едва заметно кивнула. Не как победительница — как человек, получивший нужное подтверждение. Это раздражало меньше, чем должно было.

Штифт повернулся в замке. Дверца распахнулась, и наружу выскользнула бумажная лента. Корней внутри не было. В ячейке лежала половина глиняной чашки, обёрнутая актом Ивы.

На обломке синел музейный номер.

Ива шагнула к нити и остановилась перед ней.

— Семьсот тридцать?

Элина сверилась с биркой.

— Ваш — семьсот тридцать один.

— Соседняя запись.

Рил побледнел.

— Эти вещи не должны покидать верхнее хранилище.

— Но одна покинула, — сказала Ива. — А вторая составила здесь документ, которого ещё не существовало.

Элина щипцами подняла половинку чашки. К внутренней стороне прилипла тонкая коричневая корка, похожая на высохшую землю. Ива наклонилась ближе.

— Не грунт. Бумажная пульпа.

— Из чего?

— Нужно размочить.

— Ничего здесь размачивать не будем.

— Тогда понюхайте.

Элина посмотрела на неё долгим взглядом, но поднесла обломок ближе.

— Горечь.

— Ивовая кора. Ею закрепляют срочные акты, чтобы копия дошла раньше курьера. Кора помнит форму свежего листа и достраивает её в принимающем архиве.

— Ваше ремесло.

— Наш материал. Рецепт знают оба берега со времён войны.

Рил резко встал.

— Каменный архив не использует живые связующие.

— Однако оно использовало вас, — сказала Ива.

В дверях раздались три сухих хлопка.

Мужчина на пороге держал перчатки в одной руке и, судя по звуку, только что аплодировал ими. Он был невысок, седина лежала в чёрных волосах аккуратной полосой, словно часть официального облачения. На груди блестел музейный знак — раскрытая ладонь над датой окончания войны.

— Прекрасная формулировка, — сказал он. — Материал использовал архивиста. Так ответственность становится почти поэтической.

— Хранитель Лоран, — произнесла Элина.

— Мастер Вард. Вы открыли запечатанную ячейку без меня.

— При угрозе опоре.

Лоран увидел зелёную жилку и нахмурился скорее с интересом, чем со страхом.

— Это угроза стене. До опоры ещё четыре локтя.

— Я предпочитаю не ждать последние четыре.

— Именно за эту предусмотрительность вас и терпят комиссии.

Он подошёл к столу, не переступая серебряной нити, и поклонился Иве.

— Старшая садовница Ренн. Ваше учреждение сегодня необычайно щедро: сначала отправляет нам акт, потом выращивает улицу из экспоната, теперь пускает корни в мостовой архив.

— Моё учреждение ничего сюда не отправляло.

— Здесь ваш почерк и ваша печать.

— Здесь копия моей ошибки и список, которого не было в черновике.

— Тем хуже. Значит, кто-то в питомнике умеет продолжать документ не только вперёд, но и назад.

— Это невозможно.

Лоран улыбнулся.

— Вы выращиваете дома из разбитых чашек, госпожа Ренн. Осторожнее со словом «невозможно».

Ива посмотрела на акт. В ложном документе было всё необходимое, чтобы обвинить питомник: её имя, её печать, её профессиональная описка. Не хватало только одного — причины, по которой садовница добровольно отправила бы улику до преступления.

— Если бы я знала, что сажаю музейный экспонат, зачем предупреждала бы ваш архив?

— Чтобы создать алиби. Или обеспечить прорастание на обоих берегах.

— Прорастание чего?

Лоран указал на половинку чашки.

— Отказов, которые ваши люди выносят из музея уже не первый месяц.

Рил уронил медную табличку. Элина не шелохнулась, но серебряная нить под её пальцами натянулась.

— У вас есть доказательства? — спросила она.

— Семь пустых гнёзд в фонде. Три обнаружены сегодня. Четыре мы считали ошибками старой описи, пока садовый рост не появился в кладке.

— Почему мостовая служба не получила извещения?

— Потому что музей отвечает за сохранность экспонатов, а не за настроение мостовых мастеров.

— Если предметы переносили через мост, это моя служба.

— Серебро ничего не отметило. Следовательно, переносили не через мост.

Элина повторила его слова почти беззвучно, и Ива поняла: это была та же фраза, которой мастер встретила её наверху. Только теперь уверенности в ней не осталось.

— Какие номера исчезли? — спросила Ива.

— Вам список не полагается.

— Один из них уже растёт у меня в квартале.

— Именно поэтому вам не полагается ничего, кроме вызова на комиссию.

Лоран протянул руку к акту. Зелёная жилка на двери дрогнула и поползла к его запястью. Ива увидела это первой.

— Не касайтесь бумаги.

Лоран замер.

— Теперь садовники устанавливают правила архива?

— Это не правило. Рост выбирает вас.

Элина бросила серебряную нить. Та обвила запястье Лорана прежде, чем зелёный кончик добрался до кожи. Жилка ударилась о серебро и выпустила крошечный лист.

На листе проступила строка, написанная музейным почерком:

Согласие владельца: получено.

Ниже оставалось пустое место.

Лоран отдернул руку.

— Уничтожьте это.

— Пока нет, — сказала Ива.

— Вы на моём берегу.

— А росток — на мостовой опоре, — ответила Элина. — Теперь это моя служба.

Впервые они оказались по одну сторону серебряной линии. Ива заметила это и сразу рассердилась на себя: сейчас важнее было пустое поле согласия.

Она присела, не заходя в рамку.

— Корень ищет владельца отказа. Черепок семьсот тридцать один сделал то же самое: вырастил дверь с именем женщины, чьё желание было прикреплено к чужому решению. Здесь поле владельца пусто, поэтому рост предлагает его первому человеку с музейным правом подписи.

Лоран спрятал руки за спину.

— Предположение.

— Проверяемое. Позовите другого хранителя.

— Нет.

— Тогда Рила.

— Нет.

— Меня, — сказала Элина.

Ива подняла голову.

— У вас есть право подписи за музей?

— Есть право принимать опасный груз в основание моста.

— Этого может хватить корню.

Элина ослабила нить на руке Лорана и обернула свободный конец вокруг собственного запястья. Потом медленно поднесла ладонь к листу.

Росток потянулся к ней, коснулся серебра и остановился. Строка «Согласие владельца» побледнела. Вместо неё возникла другая:

Цель принятия: установить владельца.

Дверь архива издала низкий звук, будто глубоко в камне отпустили натянутую струну. Зелёная жилка перестала расти.

Элина убрала руку.

— Рост различает право присвоить и обязанность установить, — сказала она.

— Мост тоже, — ответила Ива.

Их взгляды встретились. На этот раз ни одной не понадобилось выигрывать спор.

Лоран снял с груди музейный знак.

— Я печатаваю архив до комиссии. Госпожа Ренн остаётся здесь.

— На каком основании? — спросила Элина.

— Кража отказов, незаконная посадка и вмешательство в мостовую кладку.

— Она пришла добровольно и остановилась перед каждой границей, которую я поставила.

— Вы теперь её поручитель?

— Я свидетель.

Слово легло тяжелее обещания.

Лоран вставил музейный знак в паз у двери. Каменная плита начала подниматься из пола, отрезая выход.

Ива посмотрела на семь часов. Стрелки неподтверждённого документа всё ещё стояли без двадцати одиннадцать. Но маленькая секундная стрелка дрожала. Не вперёд — назад.

— Элина. Когда копия появилась в ячейке, часы остановились?

— Да.

— Тогда почему они идут обратно?

Все трое посмотрели вверх.

Минутная стрелка отступила на одно деление.

Из шкафа ранних копий донёсся шелест. Пустая лента на столе сама втянулась между каменными створками, а через мгновение вернулась с новой строкой:

Акт уничтожения улицы 44-Б. Получено: через тридцать две минуты.

Ива прочла запись дважды.

На другом берегу Мелла держала её печать и право уничтожить опасный росток.

Через тридцать две минуты архив ожидал получить акт о том, что ученица этим правом воспользовалась.

— Откройте дверь, — сказала Ива.

— Документ доказывает, что ваши люди продолжают подлог, — ответил Лоран.

— Документ ещё ничего не доказывает. Но если мы позволим ему стать правдой, двадцать семь семей потеряют дома.

— Двадцать семь семей сейчас заперты из-за вашей посадки.

— Поэтому я вернусь.

Каменная плита поднялась до пояса.

Элина шагнула к механизму и вставила молоток между зубьями. Плита содрогнулась. По рукояти пошла трещина.

— Вы ломаете музейную печать! — сказал Лоран.

— Я удерживаю эвакуационный выход из основания моста.

— Ради обвиняемой?

— Ради людей по другую сторону её ошибки.

Элина нажала на молоток обеими руками. Щель расширилась ровно настолько, чтобы пройти боком.

— Рил, запечатайте чашку в серебряную сетку. Лоран, можете идти с нами или ждать комиссию здесь. Ива — за мной.

— Мой берег в другой стороне.

— Ваш берег сейчас пытается исполнить документ из будущего. Короткая дорога будет та, которую согласится построить мост.

Ива протиснулась под плитой. Камень задел плечо, но чужая ладонь легла ей между лопаток и удержала от падения. Элина сразу убрала руку.

Они побежали вверх по винтовой лестнице.

На середине подъёма Ива услышала позади шаги Лорана. Значит, он всё-таки выбрал не запертую правоту, а неудобное свидетельство. Этого было недостаточно для доверия, но достаточно, чтобы оставить имя в списке возможных союзников.

У двери к мосту Элина остановилась.

— Цель перехода?

— Не дать Мелле исполнить чужое предсказание.

Замок не открылся.

Ива закрыла глаза. Это было желанием, но не всей целью. Если улица стала опасной, Мелла должна была её уничтожить. Ива сама дала ей такое право.

— Узнать, что происходит в квартале, — сказала она. — И поддержать решение Меллы, если оно принято ради жителей, а не ради моего имени.

Замочная пластина потеплела.

Элина назвала своё:

— Проверить, может ли будущий акт заставить мост построить дорогу к своему исполнению.

Дверь раскрылась.

Снаружи мост уже не был прямым. От пятой опоры к Берегу Садов тянулись два настила. Один вёл к воротам питомника. Второй спускался к воде, где у причала ждала кухня временного квартала — широкая плавучая терраса с печными трубами и красными фонарями.

На дальнем конце стояла Тая и махала зелёным полотенцем.

За её спиной теснились жители улицы 44-Б.

Ни одного ребёнка, ни одной старухи, ни одного спящего человека не осталось в домах. Тая вывела всех до того, как предсказанный акт успел потребовать разрушения.

Ива выдохнула.

— Ваша сестра? — спросила Элина.

— Да.

— Она всегда эвакуирует квартал на кухню?

— Только когда хочет одновременно накормить людей и доказать мне, что я слишком поздно попросила помощи.

На мосту прозвенел первый обратный удар часов.

До времени будущего акта оставалась тридцать одна минута.

Элина ступила на развилку рядом с Ивой.

— Какой путь?

Ива посмотрела на пустой питомник, затем на красные фонари кухни.

— Туда, где уже находятся люди.

На этот раз мост не потребовал отказа. Оба настила сошлись под их ногами в один.

Глава 4. Кухня временного квартала

Плавучая кухня держалась у причала на четырёх канатах и одном упрямыстве Таи.

Когда настил моста опустился к воде, красные фонари качнулись навстречу Иве. Под навесом теснились жители улицы 44-Б: кто-то сидел на мешках с крупой, кто-то стоял между столами, трое детей заняли ящик с сухими яблоками и делили одну кружку тёплой воды. Пахло дымом, чечевицей и мокрой одеждой.

Тая встретила Иву у сходней.

— Двадцать семь семей, восемьдесят четыре человека, — сказала она вместо приветствия. — Все здесь. Двое ушли за лекарствами под присмотром лодчицы. Никто не пострадал. Пока.

— Мелла?

— Осталась у посадки.

— Одна?

— С ночным мастером и твоей печатью. Не делай такое лицо. Ты сама дала ей право решать.

Ива посмотрела на башенные часы Берега Садов. До срока акта оставалось двадцать четыре минуты.

— Почему вы эвакуировались?

— Потому что дома начали запира́ть двери изнутри и предлагать жильцам выбрать, чего они лишатся при выходе.

Элина сошла с моста следом. Лоран задержался на последней плите, будто кухня была чужой территорией опаснее архива.

Тая окинула мостостроительницу взглядом.

— Вы и есть подпись на ящике?

— Я принимала пломбы.

— Значит, подпись.

— Тая, — сказала Ива.

— Что? У нас сегодня вещи любят точные названия.

Элина расстегнула серую куртку и показала знак мостовой службы.

— Элина Вард. Я отвечаю за развилку на пятом пролёте и за путь эвакуации. Мне нужно осмотреть крепления кухни.

— Осматривайте. Но если найдёте суп недостаточно закреплённым, сначала накормите людей.

Элина едва заметно улыбнулась.

Ива не успела решить, раздражает ли её, что Тая доби́лась этого быстрее.

Из толпы вышла Рема Сааль. Она успела накинуть поверх домашнего платья чужую шерстяную шаль, но на ногах оставались комнатные туфли.

— Моя дверь произнесла имя матери, — сказала она. — Потом спросила, готова ли я отказаться от возвращения, если войду.

— Вы ответили?

— Нет. Я позвала соседку. У неё лестница предложила комнату для сына, если она никому не скажет, что он вернулся с войны.

Лоран наконец сошёл на кухню.

— Война закончилась двадцать восемь лет назад.

— Поэтому её сыну сорок семь, — ответила Рема. — И поэтому он вправе сам решать, где живёт.

Несколько человек согласно заговорили. Ива подняла ладонь, но шум не стих. Тогда Тая ударила половником о край котла.

— По одному. Если перекричите друг друга, дома победят без всякой магии.

Она указала на длинный разделочный стол.

— Ива, записывай.

— Мне нужно добраться до посадки.

— Тебе нужно понять, что там происходит. Мелла охраняет корень. Здесь восемьдесят четыре человека, которых ты собиралась поселить в своём решении.

Слова попали точно. Ива сняла мокрую куртку, положила на стол найденную в архиве копию акта и достала карандаш.

— Говорите, что предложил дом. Не что вы почувствовали — это спросим после. Сначала точные слова и действия.

— Вот теперь садовница, — сказала Тая.

Первым подошёл каменщик по имени Орс. Его мастерская выросла на первом этаже углового дома.

— Верстак сам закончил заказ, который я отказался брать зимой. Хорошая работа. Лучше моей. Дверь открывалась, если соглашусь больше не брать учеников.

— Вы согласились?

— Я стар, а не глуп.

Следующей была молодая женщина с младенцем. Дом предложил ей тихую комнату, в которой ребёнок никогда не плакал, если она откажется просить сестру о помощи. Потом двое супругов рассказали о двух разных спальнях: каждой обещалась жизнь без ссор, но только если второй человек останется снаружи.

Ива записывала. Предложения различались, условие повторялось: желанное будущее выдавалось в обмен на потерю другой возможности. Не мост назначал цену за ложь. Улица имитировала его закон, но требовала плату заранее.

— Она учится у моста, — сказала Элина, вернувшись после осмотра канатов.

— Или её учили на мостовых документах, — ответила Ива.

Лоран стоял у копии акта, не касаясь бумаги.

— Музейные предметы хранят отказы. Они могли накопить способы, которыми люди отказывались.

— Чашка не думает, — сказала Ива.

— Город тоже.

— Но город продолжает форму решения. Если смешать отказы с мостовым правилом, он построит не дом, а устройство выбора.

Рема наклонилась над списком.

— Устройство без кнопки «нет».

Ива обвела её слова.

С башни донёсся удар. Девятнадцать минут.

По кухне пробежала дрожь. В котле чечевица качнулась от одного края к другому, хотя вода вокруг террасы оставалась спокойной. Канаты натянулись в сторону улицы 44-Б.

Элина опустилась у ближайшего крепления.

— Это не течение.

— Улица зовёт жителей обратно, — сказала Ива.

— Нет. Тянет кухню целиком.

Один из носовых канатов застонал. Волокна начали расходиться.

Тая сунула половник Иве.

— Держи.

— Зачем?

— Чтобы не полезла чинить чужое крепление. Ты сегодня обещала уважать ремесло. Элина коротко рассмеялась и тут же стала серьёзной.

— Всем перейти к корме. Без бега. По семь человек.

— Почему к корме? — спросил Орс.

— Потому что носовой канат порвётся первым.

— Тогда надо укрепить нос.

— Тогда людей ударит оборванным канатом.

Орс посмотрел на толщину мокрой верёвки и начал сам отсчитывать семёрки.

Элина закрепила серебряную нить между двумя столбами, провела её под натянутым канатом и отдала конец Тая.

— Когда скажу, отпустите. Не раньше.

— Вы уверены?

— Нет. Но знаю, что произойдёт, если держать.

Тая кивнула. Для неё этого было достаточно.

Ива ощутила укол зависти — нелепый, несвоевременный. Потом поняла: она завидовала не доверию между ними, а простоте вопроса. В саду почти никогда нельзя было знать, что произойдёт, если отпустить.

Канат лопнул.

— Сейчас!

Тая разжала руку. Серебряная нить скользнула, приняла удар и направила оборванный конец вниз. Террасу развернуло поперёк причала. Люди закричали, посуда посыпалась с полок, но канат ушёл в воду, никого не задев.

Оставшиеся крепления натянулись.

Кухня поплыла к улице.

— Мост! — крикнула Элина.

Настил, по которому они пришли, уже поднимался от воды. Между последней плитой и террасой образовалась щель.

— Он закрывает путь? — спросила Тая.

— Строит другой.

Из воды поднялись три узкие каменные полосы. Одна потянулась к питомнику, вторая — к музейной лестнице на Каменном берегу, третья упёрлась прямо в борт кухни.

На каждой проступили слова.

УНИЧТОЖИТЬ РОСТ.

ИЗЪЯТЬ ЭКСПОНАТ.

ВЕРНУТЬ ЖИТЕЛЕЙ.

— Три решения, — сказал Лоран. — Нужно выбрать одно.

— Кому нужно? — спросила Рема.

— Так устроены чрезвычайные меры.

— Кем?

Лоран не ответил.

Ива смотрела на три настила. Каждый предлагал действие, которое кто-то действительно считал правильным. Мелла могла уничтожить опасный рост. Музей мог изъять свою вещь. Жители могли вернуться в дома. Ошибка заключалась не в самих вариантах, а в требовании сделать их взаимоисключающими.

— Никто не ступает на эти пути, — сказала Ива.

— Терраса потеряет второй канат через несколько минут, — возразила Элина.

— Тогда закрепим её без выбора.

— Чем?

Тая вытащила из-под стола связку коротких верёвок.

— Всем, что есть.

Ива посмотрела на жителей.

— У кого в домах остались вещи, от которых вы когда-то отказались, но не выбросили?

Люди заговорили одновременно.

— По одному! — снова ударила Тая половником.

Выяснилось, что Орс хранил недоделанный молоток ученика. Рема — билет на лодку, которой не уехала после смерти матери. Супруги — два ключа от квартир, где жили до свадьбы. У каждого находился предмет отвергнутой возможности. Но все они оставались в домах.

— Они связаны с вами, — сказала Ива. — Улица может тянуться не за телами, а за материалом решений. Кухня собрала владельцев, и рост считает её частью квартала.

— Это помогает нам как? — спросил Орс.

— Если вы сами назовёте, что сохраняете, связь изменится.

— Опять мостовая цель? — спросила Элина.

— Нет. Садовая прививка. Корень принимает не только отказ. Он принимает границу: что из обломка можно продолжить, а что нельзя.

— Для этого нужен контакт с корнем.

— Он уже держит кухню.

Ива положила ладонь на мокрую доску. Под деревом едва заметно пульсировало натяжение. Она представила не улицу и не черепок, а все восемьдесят четыре нити, протянутые от людей к оставленным предметам.

— Рема, скажите дому то, что не сказали двери.

Женщина сжала края шали.

— Я хочу ещё раз увидеть сад матери. Но не отдам за это своё право возвращаться сюда. Доска под ладонью Ивы стала тёплой.

Орс шагнул ближе.

— Я жалею, что не закончил тот заказ. Но учеников всё равно возьму.

Тёплая полоса прошла к корме.

Молодая мать сказала:

— Я хочу тишины. И всё равно попрошу сестру прийти вечером.

Люди начали говорить без приглашения. Не исповедовались и не обещали стать лучше. Называли две вещи рядом: желание и границу платы. Кто-то хотел прежнюю работу, но не прежнего начальника. Кто-то мечтал о пустом доме, но не о смерти родни. Кто-то скучал по человеку, к которому не собирался возвращаться.

Три каменных настила задрожали.

Слова на них осыпались светлой крошкой.

— Продолжайте, — сказала Элина.

Она опустила рядом с Ивой и приложила ладонь к доске. Серебряная нить на её запястье засветилась.

— Что вы делаете?

— Измеряю нагрузку.

— Это не ответ для корня.

— Я не разговариваю с корнями.

— Сегодня уже разговаривали.

Элина нахмурилась. Потом сказала тихо, чтобы слышала только Ива:

— Я хочу, чтобы мост выдержал всё, что люди называют честно. Но не позволю ему решать за них, какая цель достойнее.

Под их ладонями что-то отпустило.

Кухня перестала двигаться к улице. Два оставшихся каната провисли. Три настила не исчезли, но стали обычными дорогами без приказов.

Ива убрала руку. На коже остался зелёный узор, похожий на карту незнакомого квартала.

— Это пройдёт? — спросила Элина.

— Должно.

— Очень утешительно.

— Вы предпочитаете точность. Зелёный след обычно держится от часа до трёх дней. Если начнёт ветвиться — сообщите.

— Куда?

— Мне.

Слова прозвучали личнее, чем Ива намеревалась. Элина посмотрела на неё, потом на узор.

— Сообщу садовой службе.

— Разумеется.

Тая оказалась рядом с двумя кружками воды.

— Вы обе совершенно не умеете выбирать время для осторожности.

Она протянула одну кружку Элине, другую сестре.

— Пятнадцать минут, — напомнил Лоран.

Копия будущего акта лежала рядом с преждевременным актом посадки. Первая строка стала темнее. Под ней проявилась подпись Меллы.

Ива знала почерк ученицы. Подпись была точной.

— Она ещё не подписала, — сказала Ива.

— Откуда вы знаете? — спросил Лоран.

— Печать ставят после подписи. Если бы документ существовал, здесь был бы оттиск.

На нижнем поле проступил круг печати — пока бледный, незавершённый.

Тая заглянула через плечо.

— Бумага торопит события.

— Или показывает неизбежное, — сказал Лоран.

— Вы хранитель отказов, а говорите как человек, который не верит в возможность отказаться.

Лоран поджал губы.

Ива положила оба акта рядом. В ложной копии посадки была её пропущенная буква. В будущем акте уничтожения — Меллина привычка соединять «л» и «и» одной петлёй. Подделка брала не только содержание документов, но и малые следы авторов.

— Она не предсказывает, — сказала Ива. — Она выращивает наиболее доступную версию документа из того, что уже знает о нас.

— Откуда музейный обломок знает почерк вашей ученицы? — спросила Элина.

Ива вспомнила печать, которую отдала Мелле. Красный футляр много лет лежал в старшем ящике питомника вместе с ученическими журналами.

— Не обломок знает. Связующее. Ивовую кору делают из отходов питомника. Если использовали старую пульпу, в ней могли остаться отпечатки бумаг.

— Удобно, — сказал Лоран. — Все следы снова ведут к садовникам.

— Да, — ответила Ива.

Он явно ожидал спора.

— Да?

— Кто-то использует наше сырьё, наши черновики и наши ошибки. Возможно, кто-то из питомника. Я не стану объявлять нас невиновными до проверки.

Элина молча отпила воду.

— Но, — продолжила Ива, — музейные номера и пустые поля согласия ведут к вам. Поэтому проверять будем вместе.

— Вы не можете назначить совместное расследование.

Рема подняла руку, будто находилась на собрании.

— А мы можем?

Лоран посмотрел на неё.

— Кто «мы»?

— Люди, чьи решения лежат у вас в ящиках. Я только сегодня узнала, что музей хранит чашку моей матери. Я не давала согласия на посадку. Не давала согласия и на хранение её отказа вечно.

— Экспонаты даты мира принадлежат обоим берегам.

— Берега — это земля, — сказал Орс. — Решения принимали люди.

— И многие из них умерли.

— Тогда спросите живых наследников, а не пустое поле.

Голоса снова поднялись, но теперь Тая не стала бить половником. Она принесла из кладовой рулон грубой бумаги и развернула его на столе.

— Хотите, чтобы вас услышали — дайте не шум, а требование.

— Мы не комиссия, — сказала Ива.

— Вот именно. Комиссия придёт позже и скажет, что не знала, чего мы хотим.

Тая написала крупно: До выяснения происхождения ростков жители участвуют в решениях о своих домах и предметах.

— Слишком общее, — сказала Элина.

— Предлагайте точнее.

Мостостроительница взяла карандаш.

Через десять минут на бумаге стояли четыре требования: не возвращать людей в улицу до независимого осмотра; не уничтожать рост без открытого объяснения риска; предоставить список музейных предметов, связанных с семьями квартала; включить двух выбранных жителей в каждую проверку.

Пятое добавила Рема:

— Ни одна подпись от имени владельца не считается согласием, пока владелец или наследник её не подтвердит.

Лоран покачал головой.

— Музей не откроет полную опись случайному собранию на кухне.

— Тогда откроет нужную часть выбранным представителям, — сказала Элина. — Иначе я закрою для музейных грузов основание моста до проверки семи пропаж.

— У вас нет права останавливать государственный фонд.

— Есть право остановить груз при неподтверждённом происхождении.

— Вы слишком быстро выбрали сторону.

— Я выбрала процедуру.

Ива увидела, что Элина не посмотрела на неё, произнося это. И была благодарна.

На башне пробило очередную четверть. Срок будущего акта наступил.

Бумага на столе вспыхнула зелёным по краям. Подпись Меллы стала чёрной. Круг печати налился красным.

Ничего больше не произошло.

Улица стояла на берегу. Из труб поднимался дым. Ни один дом не осыпался, корневая гряда не вспыхнула, мост не рухнул.

Ложный акт существовал полностью.

Но событие, которое он описывал, не произошло.

— Значит, не предсказание, — сказала Тая.

— И не приказ, — добавила Элина.

Ива осторожно подняла бумагу за край.

— Приманка. Документ создаёт решение, которое кажется уже принятым. Человеку остаётся только подчиниться собственной подписи.

— Мелла не подчинилась, — сказала Рема.

— Потому что Тая вывела людей. У ученицы появилось время проверить необходимость. Тая поставила перед сестрой тарелку чечевицы.

— Потому что ты дала ученице право не угадывать твоё желание.

Это было неприятно слышать при всех. Поэтому Ива не стала спорить.

Со стороны питомника показалась маленькая фигура. Мелла бежала по обычному мостовому настилу, держа красный футляр над головой, словно сигнальный флаг.

Она ворвалась на кухню запыхавшаяся, с грязью на щеке.

— Я не уничтожила улицу.

— Мы заметили, — сказала Тая.

Мелла положила печать перед Ивой, но не отпустила футляр.

— Корень показал мне акт. Уже заполненный. Я подумала, что это приказ от вас.

— Почему не исполнила?

— В приказе было написано, что жители отказались от домов. А жителей не было. Я пришла спросить их.

Тая пододвинула к ней бумагу с требованиями.

— Правильный адрес.

Мелла прочла, потом подняла глаза.

— Значит, теперь они будут решать, что делать с ростом?

Ива посмотрела на восемьдесят четыре человека, на мостостроительницу с зелёным следом на ладони, на хранителя, который впервые за всё время не держал готового ответа.

— Вместе с нами, — сказала она. — Начиная сейчас.

Она не забрала у Меллы футляр.

На кухне разлили суп. Пока люди ели, Орс и Рема согласились стать первыми представителями квартала. Элина чертила безопасный путь осмотра. Тая распределяла одеяла. Лоран сидел у края террасы и переписывал требования в официальный журнал, делая вид, что это его собственное решение.

Ива вышла к борту.

На противоположном берегу музей возвышался над рекой белой полукруглой стеной. В одном из верхних окон горел свет, хотя день ещё не закончился.

— Там хранилище семисот номеров? — спросила она.

Элина встала рядом, оставив между их плечами расстояние ладони.

— Северная галерея. Завтра Лоран проведёт нас туда, если сегодня не найдёт способ запретить.

— Найдёт.

— Тогда мы проверим поставку без его доверия.

Ива посмотрела на неё.

— «Мы»?

— Вы знаете рост. Я знаю маршрут ящиков. Жители знают вещи. Это пока не доверие, госпожа Ренн.

— Разумеется, мастер Вард.

— Это проверяемая необходимость.

Зелёный узор на ладони Элины выпустил новую тонкую ветвь и остановился у линии жизни.

Она молча показала его Иве.

— Сообщаете садовой службе? — спросила Ива.

— Исключительно ей.

Ива коснулась края узора двумя пальцами. Кожа была тёплой, но рост не тянулся к ней и ничего не предлагал. Он просто отмечал путь, который две женщины удержали вместе.

— До утра не пройдёт, — сказала Ива.

— Значит, утром вы его осмотрите.

— Так звучит почти как доверие.

— Не злоупотребляйте неточными терминами.

За их спинами Тая снова ударила половником: кто-то пытался получить вторую порцию раньше детей.

Ива убрала руку.

Улица 44-Б осталась пустой, но впервые с момента посадки решение о ней находилось не в корне, не в преждевременном документе и не у одной старшей садовницы. Оно лежало на кухонном столе под пятнами супа, подписанное людьми, которые отказались выбирать поодиночке.

Глава 5. Осколок из музея

Красная печать на акте продержалась три удара сердца.

Потом круг треснул на четыре части, буквы в подписи Меллы поплыли, и бумага свернулась краями внутрь, будто ей стало холодно. По кухне прошёл тихий выдох. Лоран протянул руку, но Ива накрыла документ ладонью.

— Сначала дождёмся Меллу.

— Если акт исполнится, улицы уже нет, — сказал хранитель.

— Мы бы слышали.

Тая повернула голову к открытому берегу. Над крышами временного квартала всё ещё виднелась верхушка яблони, выросшей посреди улицы 44-Б. На ней горел один жёлтый фонарь. Ни дыма, ни зелёной вспышки, которой сопровождалось уничтожение взрослого роста.

На сходнях застучали шаги. Мелла бежала, придерживая красный футляр с печатью под курткой. За ней тяжело поспедал ночной мастер.

— Не ставила, — выпалила она ещё с причала. — Не подписывала. Корень сам вытолкнул бумагу, но я её сожгла в жаровне.

Ива подняла ладонь с лежавшим под ней актом.

Мелла остановилась.

— Значит, плохо сожгла?

— Наоборот. Ты сожгла тот экземпляр, который мог стать настоящим. Этот остался предложением.

— Тогда почему здесь моя подпись?

— Потому что росту известен твой почерк.

Мелла побледнела и прижала футляр крепче.

— Я его не учила.

— Ты писала журналы на бумаге из нашей пульпы. Кто-то научил связующее собирать документы из следов.

Ива подвинула к ней список требований жителей. Мелла прочла его дважды. Когда дошла до пункта о представителях, подняла глаза на Рему и Орса.

— Вы пойдёте к корню?

— Если пустят, — ответила Рема.

— Я пушу. Но близко не становитесь. Там за ночь появилась ещё одна штука.

Лоран резко спросил:

— Какая?

— Белая бирка на корневой шейке. На ней музейный номер.

— Семьсот тридцать один, — сказала Ива.

Мелла покачала головой.

— Теперь два номера.

##

К рассвету дождь перестал. Вода между домами лежала тонкими зеркалами, и улица 44-Б отражалась в них как место, уже успевшее стать старым.

За ограждением дома молчали. Они больше не звали жителей по именам, но окна следили за проходящими: стоило кому-нибудь задержать взгляд, и за стеклом проступала комната, которой ему не доставало. Ива велела всем идти по середине мостовой и не отвечать дверям.

К корню допустили шестерых: Иву, Меллу, Элину, Лорана и двух представителей квартала. Тая осталась у ограждения с кухонным котлом и условием, что через полчаса придёт за ними сама.

Орс принёс деревянную рейку и останавливал ею Рему всякий раз, когда та невольно приближалась к своему окну.

— Не ты ли говорила, что взрослая? — ворчал он.

— Взрослые тоже скучают.

— Потому рейку и взял.

Посадочная яма занимала перекрёсток. Ночью Мелла соорудила вокруг неё второй круг ограждения и засыпала промежуток толчёной горькой ивой. Светлые корни лежали на земле, как толстые жилы. В их переплетении темнел черепок.

На выступающем краю по-прежнему виднелось `731`. Но от него к корневой шейке тянулся новый тонкий побег. Он обвил белую картонную бирку и вывел на ней зелёными прожилками другой номер: `730`.

Лоран присел у внешнего круга.

— Это не музейная бирка.

— Верно, — сказала Мелла. — Я вырезала её из чистого журнала и положила рядом, чтобы отмечать изменение цвета. Номер вырос сам.

— Значит, он ничего не доказывает.

— Доказывает связь, — ответила Ива. — Не происхождение.

Она надела промасленные перчатки и легла на доски поперёк ямы. Элина опустилась рядом и закрепила серебряную нить на двух колышках.

— Если корень потянет, не сопротивляйтесь, — сказала Ива.

— Это ваш профессиональный совет?

— Нет. Профессиональный совет — вообще сюда не ложиться.

— Поздно.

Зелёный узор на ладони Элины за ночь не исчез. Он поднялся к запястью и теперь напоминал схему двух улиц, соединённых тупиком. Ива хотела рассмотреть его ещё на кухне, но вокруг всегда оказывался кто-нибудь третий. Теперь третьими были четверо, и это почему-то облегчало задачу.

— Дайте руку.

Элина протянула её без шуток. Ива провела пальцем вдоль самой яркой линии. Кожа была тёплой, узор под прикосновением на миг потемнел.

— Болит?

— Нет. Тянет в сторону корня.

— Это след совместной границы. Он не должен ветвиться сам.

— Вы вчера сказали: от часа до трёх дней.

— Я надеюсь, вы забудете верхнюю границу.

— Я строю мосты.

— Да, вы уже говорили.

Уголок рта Элины дрогнул, но она не отняла руку. Ива заметила, что её собственный узор заканчивается там же, где начинается рисунок на ладони мостостроительницы. Не одинаковые половины — две разные карты с общей улицей.

Лоран кашлянул.

— Экспонат разрушается, пока мы изучаем кожу.

Элина поднялась первой.

— Экспонат в вашем музее. Здесь — незаконная посадка.

— Вы уже решили, что музей виновен.

— Нет. Я решила использовать правильное слово.

Ива осторожно раздвинула два корня. Черепок сидел между ними не так, как она положила его при посадке. Тогда острый край был направлен к северу, чтобы первая улица приняла

утренний свет. Теперь он смотрел на реку. На обороте проступили две светлые полосы, разделённые тёмным швом.

— Мелла, журнал посадки.

Ученица раскрыла книжку.

— Один фрагмент глазурованной чашки, синяя полоса, скол свежий, длина девять пальцев.

— Здесь сколько?

Орс протянул рейку. Ива измерила обе половины, не касаясь шва.

— Пять и четыре.

— Его склеили? — спросила Рема.

— Срастили. До посадки шов был невидим.

Мелла перелистнула журнал назад.

— Я проверяла под лампой. Клянусь.

— Верю. Сухой городской клей принимает цвет глазури. В земле он оживает раньше керамики.

Ива поднесла к шву полоску лакмусового мха. Одна половина окрасила его в золотистый цвет, другая — в густой зелёный.

— Два связующих, — сказала она. — Два обломка выдавали за один.

Лоран медленно снял очки и вытер их краем шарфа.

— Номера соседние. Возможно, чашка разбилась после внесения в опись, а реставратор перепутал половины.

— Вы только что сказали, что это не музейная бирка, — напомнила Мелла.

— Бирка — нет. Но если предположить связь с фондом, существует простое объяснение.

— Ошибка описи, — сказала Ива.

— Именно.

Он произнёс это с облегчением человека, которому наконец вернули привычный пол под ноги.

Ива прижала мох к половине с номером 731. Дом Ремы вздохнул ставнями. На стекле возник яблоневый сад. Когда она коснулась половины 730, все двери улицы одновременно щёлкнули замками.

— У половинок разные продолжения, — сказала она. — Семьсот тридцать первый несёт отказ одного человека уехать. Семьсот тридцатый несёт способ превратить отказ в обязательство для других.

— Вы не можете определить содержание по одному движению улицы.

— Поэтому сверим опись.

— Фонд закрыт до ежегодного открытия.

Рема перестала смотреть на окно.

— Вы обещали нужную часть списка.

— Я обещал ничего. Мостостроительница угрожала остановить грузы.

— Грузы остановлены, — сказала Элина. — С рассвета. Ни один музейный ящик не пересечёт мост без номера, состояния пломбы и имени владельца решения.

— Вы превысили полномочия.

— Подайте жалобу. Укажите в ней семь пропавших экспонатов и преждевременный акт из номера семьсот тридцать.

Лоран надел очки. Лицо его стало утомлённым, почти добрым.

— Вы все хотите одного: найти виновного. Но фонд собирали в последние дни войны, в двух канцеляриях, при пожаре и эвакуации. Номера повторялись. Карточки терялись. Люди приносили вещи без имён. Если каждую неровность назвать подлогом, вы разрушите единственное общее хранилище обоих берегов.

— Не каждую, — сказала Ива. — Только ту, из которой выросла улица, забирающая выбор у жителей.

— И если это действительно ошибка?

Она посмотрела на Рему, стоявшую с чужой шалью поверх домашнего платья. На Орс с рейкой. На Меллу, которая всю ночь имела право уничтожить опасный рост и вместо этого пошла спрашивать людей.

— Тогда мы исправим её открыто.

Лоран вздохнул.

— Хорошо. Сверим две карточки. Только две. Представители квартала могут присутствовать, но ничего не копируют и не выносят.

— И список семи пропаж, — сказала Элина.

— Он внутренний.

— Тогда мост останется закрыт.

— Вы торгуетесь фондом.

— Нет. Вы торгуетесь мостом.

Ива подняла руку раньше, чем спор превратился в новую ложную развилку.

— Сначала номера 730 и 731. Если они подтверждают ошибку, вы получаете основание открыть остальную проверку без публичного обвинения. Если не подтверждают — жители получают список семи предметов.

— А если карточки противоречат друг другу? — спросил Орс.

— Это и будет ответ, — сказала Рема.

Лоран согласился не сразу. Ива видела, как он перебирает не доводы, а возможные последствия каждого слова. Наконец он кивнул.

— До полудня.

На белой бирке зелёные цифры вздрогнули. Под номером `730` начала проступать новая строка.

Мелла первой наклонилась ближе.

— Там имя.

Лоран шагнул к кругу, забыв об осторожности. Орс выставил рейку ему поперёк груди.

— Взрослые тоже торопятся, — сказал он.

Буквы наливались медленно, от середины к краям. Ива ждала имени прежнего владельца, реставратора или музейного служащего. Но корень вывел только два слова:

ПРИНЯТО: Э. ВАРД.

Все посмотрели на Элину.

— Я принимала ящик, — сказала она. — Не содержимое.

— На прежней бирке была ваша подпись, — напомнил Лоран.

— Подтверждающая целостность пломбы.

— Это различие трудно объяснить жителям, чьи дома запираются изнутри.

Рема шагнула между ними.

— Не решайте за нас, что нам трудно. Объясните.

Элина посмотрела на неё, затем на Иву.

— Пять лет назад музей перевозил часть фонда через Каменный берег: укрепляли старое хранилище. Я дежурила у основания моста. Получила двадцать четыре закрытых ящика, проверила номера на наружной ведомости и пломбы. Семьсот тридцать и семьсот тридцать один шли в одном ящике.

— Кто передал груз? — спросила Ива.

— Курьер музея. Имени не помню.

— А лицо?

— Помню.

— Узнаете?

Элина перевела взгляд на Лорана.

— Узнаю.

Хранитель не отступил, но его правая рука сжалась на краю шарфа.

— Я часто сопровождал перевозки.

— Не эту. Курьер был моложе. Женщина в форме фонда, с ожогом на левой щеке.

Лоран разжал пальцы.

— Нисса Тор. Она умерла три года назад.

— Очень удобный курьер, — тихо сказала Мелла.

— Не смейте.

В его голосе впервые прозвучало не раздражение, а боль. Мелла опустила глаза.

— Простите.

Лоран отвернулся к домам.

— Нисса вынесла из пожара половину северной описи. Если на ней лежит ошибка, она совершила её, спасая фонд.

— Ошибка не обязана быть её, — сказала Ива. — Но её смерть не должна закрывать проверку.

— Для вас всё просто.

— Нет. Поэтому мы идём в музей, а не назначаем виновную у корня.

Белая бирка вдруг втянулась под побег. Цифры исчезли. Корни дрогнули, и по улице прокатился звук открывающихся ящиков.

В каждом окне вместо комнат возник один и тот же зал: высокие шкафы, лестница на колёсах, длинный стол под зелёной лампой. Музейное хранилище.

На столе лежала раскрытая книга. Её страницы листались сами, всё быстрее, пока не остановились на развороте с двумя пустыми прямоугольниками.

— Карточки 730 и 731, — сказал Лоран.

— Пустые? — спросила Рема.

— В росте — да. В фонде должны быть заполнены.

В отражённом зале появилась женщина в форменном пальто.левой щеки Ива не видела: фигура стояла спиной. Она положила между пустыми карточками две половины чашки и накрыла их листом. В дальнем конце зала открылась дверь.

Фигура вздрогнула, схватила не тот обломок и ушла из света.

Изображение повторилось. На второй раз женщина намеренно поменяла половины местами.

На третий — надела перчатки, взяла обе и отдала кому-то за дверью.

— Три версии, — сказала Элина. — Рост не знает, какая случилась.

— Но подсказывает нам готовые объяснения, — ответила Ива. — Ошибка. Намеренная подмена. Передача третьему лицу.

— И требует выбрать одно, — добавила Рема.

Ива почувствовала холод под рёбрами. Улица училась быстрее, чем они успевали называть её способы. На кухне она заставляла выбрать действие. Теперь — прошлое.

— Не выбираем, — сказала она. — Проверяем следы всех трёх.

Она повернулась к Лорану.

— Кто имел ключ от двери в том хранилище?

— Директор фонда и старший хранитель.

— Вы?

— Тогда — нет.

— Кто?

Он слишком долго смотрел на повторяющуюся сцену.

- Нисса Тор.
- Вы сказали, она была курьером.
- Она стала курьером после закрытия северного хранилища.
- А директор?
- Мой предшественник.
- Имя?
- Авер Тесс.
- Мелла быстро подняла голову.
- Ваш родственник?
- Отец.

В окнах погас зелёный свет. Улица снова показала каждому его желанную комнату, но теперь Ива знала, что за предложениями стоит не просто смешанный обломок. Кто-то когда-то взял два отказа, соединил их и сделал так, чтобы новая вещь выглядела цельной. Пять лет назад Лоран сопровождал груз, прошедший через руки Элины. Теперь половины оказались в посадке Берега Садов, а музей заранее получил документ, который объявлял их уничтоженными.

Слишком удобная цепочка — и потому ей нельзя было верить без проверки.

- До полудня, — повторила Ива. — Обе карточки, журнал перевозки, перечень ключей.
- Вы не имеете права требовать семейные записи директора.
- Я требую фондовые записи.

Лоран посмотрел на белую бирку, уже чистую, затем на жителей.

— Если я открою журнал, вы увидите множество несоответствий. Не заговор. Последствия войны, бедности и чужой спешки. Люди решат, что музей украл их прошлое.

— А если не откроете, — сказала Рема, — мы решим это без журнала.

Орс опустил рейку.

— Незнание тоже строит дом. Только жить в нём обычно приходится не тому, кто его выбрал.

Лоран кивнул, будто услышал формулировку для каталога.

— До полудня, — согласился он.

##

Перед уходом Ива наложила на шов черепка два разных зажима. Золотой удерживал половину 731, зелёный — 730. Между ними она оставила зазор толщиной в волос, чтобы корни больше не принимали их за одно решение.

Улица отозвалась сразу. Двери перестали запираются. Яблоневый сад в окне Ремы поблек, но не исчез.

— Можно нам вернуться? — спросила она.

— Пока нет.

— Это ваше решение или наше?

Ива хотела ответить, что безопасность не голосование. Верный ответ уже стоял на языке — удобный, профессиональный, безупречный. Она посмотрела на две половины черепка.

— Моё заключение: сейчас риск слишком высок. Ваше решение — согласиться с ним или потребовать другую проверку. До неё ограждение останется закрытым для всех, включая меня.

Рема подумала и кивнула.

— Так лучше.

Мелла передала Иве красный футляр.

— Печать цела. Но я хочу оставить право уничтожить корень, если он снова потянет людей.

— Оставляю.

— Даже после того акта?

— Особенно после него. Только теперь ты сначала называешь, что именно защищаешь, и проверяешь, не предлагает ли улица чужую развилку.

— А если времени не будет?

— Тогда ошибёшься сама. И запишешь, почему.

Мелла приняла футляр обратно. Это не походило на благодарность; скорее на вес, который она согласилась нести.

Элина ждала Иву у выхода. Зелёный узор на её ладони изменился: тупик раскрылся в два тонких пути.

— Теперь ветвится, — сказала она.

Ива приблизила её руку к свету.

— Потому что мы разделили решения. Это хороший признак.

— Насколько хороший?

— От часа до трёх дней.

Элина рассмеялась — тихо, устало и уже без осторожности. Ива тоже улыбнулась, прежде чем вспомнила, что Лоран наблюдает за ними от ограждения.

— В музей пойдём вместе, — сказала Элина.

— Вы мне не доверяете?

— Не доверяю никому, чья пульпа умеет писать за людей.

— Взаимно. Особенно тем, чья подпись выросла на корне.

— Значит, договорились.

Они пожали руки. Зелёные линии совпали на одно короткое мгновение, и между ладонями возник крошечный светлый росток. Ива успела увидеть два первых листа, направленных в разные стороны.

Потом Элина отдернула руку.

— Это тоже хороший признак?

— Не знаю.

Впервые за утро этот ответ не испугал Иву.

У музейной лестницы на другом берегу ударил колокол. Один раз, потом второй. По правилам это означало внеплановое открытие фонда.

Лоран побледнел.

— Я не давал распоряжения.

На мост уже выезжала тележка с серым музейным ящиком. Человек, толкавший её, остановился перед первой плитой и громко назвал цель перехода:

— Вернуть ошибочно выданные предметы.

Мост пропустил его.

Элина вслушалась в камень.

— Он сказал правду.

— Значит, считает их выданными ошибочно, — сказала Ива.

— Или действительно возвращает.

Лоран смотрел не на человека, а на серый ящик.

На его крышке белели номера: от 730 до 736.

Глава 6. Проверка без доверия

Тележка дошла до третьей плиты, когда Элина подняла руку.

— Остановитесь и назовите получателя.

Возница, худой мужчина в серой музейной накидке, навалился на рукояти. Ящик качнулся и замер. Камень под колёсами остался цельным: приказ мостостроительницы не противоречил названной цели.

— Получатель указан в накладной, — ответил мужчина.

— Я спросила не бумагу.

— Питомник Берега Садов.

Ива почувствовала, как Мелла рядом перестала дышать.

— Имя? — спросила Элина.

— Старшая садовница Ива Ренн.

На четвёртой плите проступила тонкая светлая трещина. Не цена лжи — предупреждение, что цель и действие расходятся.

Ива вышла из-за ограждения.

— Я ничего не заказывала.

Мужчина узнал её не сразу. Потом посмотрел на Лорана, и в этом движении было больше вопроса, чем подчинения.

— В накладной ваша печать.

Мелла прижала футляр к груди.

— Настоящая у меня.

— Подделку уже видели, — сказала Ива. — Не открывайте ящик.

— Я и не собирался. Должен передать запечатанным.

Элина ступила на мост. Зеленоватый узор на её ладони исчез под перчаткой.

— Ваша цель всё ещё вернуть ошибочно выданные предметы?

— Да.

— Кому вы их возвращаете, если садовница их не получала?

Мужчина открыл рот и снова посмотрел на Лорана.

Мост под тележкой дрогнул. Колёса чуть просели в камень.

— Отвечайте до следующего шага, — сказала Элина. — Потом мост возьмёт цену.

— Я возвращаю туда, откуда вчера пришло требование.

— Откуда?

— Из садового питомника.

— Кто передал?

— Ночной посыльный. Лица не видел.

— Тогда вы не знаете, куда возвращаете.

— Знаю адрес.

— Адрес — не получатель.

Светлая трещина стала шире. Возница побледнел.

Ива вспомнила, как сама стояла на мосту с двумя целями и пыталась выбрать формулировку, которую камень примет за одну. Сейчас мужчина делал то же самое: не обязательно лгал, но держался за слова, способные скрыть от него самого разрыв.

— Назовите настоящую цель, — сказала она. — Не ту, что написана в поручении. Зачем вы повезли ящик?

— Это не ваше ремесло, — резко сказала Элина.

— А я не спрашиваю мост.

Она смотрела на возницу.

— Зачем?

Он стиснул рукояти.

— Чтобы предметы не исчезли до открытия. Утром в хранилище нашли пустой шкаф. Мне велели отвезти ящик по адресу из требования, но я хочу, чтобы он остался цел.

Камень вытолкнул колёса обратно. Трещина закрылась.

— Теперь правда, — сказала Элина.

— Она и раньше была правдой.

— Была частью.

Лоран подошёл к первой плите.

— Как вас зовут?

— Савен Дор.

— Кто велел везти?

— Дежурная фонда.

— Имя.

— Она не назвала.

— В музее нет безымянных дежурств.

— Сегодня есть.

Савен достал сложенный лист, но не сошёл с моста. Элина приняла накладную, закрепила серебряную нить за край бумаги и только после этого передала Иве.

— Зачем нить? — спросила Мелла.

— Если документ попытается продолжить сам себя, край потянет.

— Бумага так умеет?

— Со вчерашнего дня — умеет.

Накладная была составлена на бланке питомника. Ива узнала волокно, водяной знак и даже слабый запах болотной мяты, которой защищали склады от жуков. Внизу стояла её печать. Точный круг, точные листья, точная царапина на букве «Р».

Но строки заполнял чужой человек.

Принять на временное укоренение предметы №730–736. Основание: угроза утраты фондом. Получатель: старшая садовница Ива Ренн.

Под подписью стояло время — через сорок минут после того, как Ива ушла к мосту.

— Мой бланк, — сказала она. — Не моя запись.

— И не моя, — быстро добавила Мелла.

— Где хранятся пустые бланки? — спросила Элина.

— В старшем ящике. Там же лежал футляр с печатью до вчерашнего вечера.

— Кто имеет ключ?

— Я, Мелла, два ночных мастера и заведующая складом.

— Пять человек.

— Шесть, — сказала Мелла. — Тая хранит запасной.

Ива посмотрела на сестру. Та стояла у котла за ограждением и разговаривала с Ремой, не слыша их.

— Для пожара, — пояснила Ива.

— Пожара вчера не было.

— Я знаю.

Лоран протянул руку к накладной.

— Раз требование поддельное, ящик возвращается в музей.

Серебряная нить натянулась прежде, чем он коснулся листа.

Элина отвела его руку.

— Документ продолжает строку.

Под последней записью медленно проступали новые буквы:

В случае отказа получателя считать предметы бесхозными и уничтожить без вскрытия. Савен развернулся к ящику.

— Этого не было.

— Теперь есть, — сказала Мелла.

— Пока нет, — возразила Ива. — Строка зелёная. Это рост, а не принятое решение.

Она достала садовый нож.

Элина перехватила её запястье.

— Не режьте на мосту.

— Почему?

— Бумага привязана к цели Савена. Разделите волокна — мост может решить, что изменилась цель.

— А если оставить, строка созреет.

— Тогда снимем документ с моста целиком.

— Вместе с тележкой?

— Вместе с человеком.

Савен поднял ладони.

— Человек согласен.

Ива убрала нож.

— Как?

— Вперёд он не может: вы не получатель. Назад — не может: там ящик объявят возвращённым в фонд, и накладная построит уничтожение. Значит, нужен третий путь.

— Вчера третий путь чуть не утащил кухню.

— Вчера его выбрала улица. Сегодня выберем мы.

Элина размотала серебряную нить и протянула один конец Иве.

— Закрепите на ящике.

— Вы разрешаете садовнице трогать мостовой груз?

— Проверяю, умеете ли вы закреплять узел.

— Наконец настоящее доверие.

— Проверка без доверия.

Ива перекинула нить вокруг ящика, не касаясь пломб, и завязала корневой узел: он затягивался при росте предмета, но не сдавливал его. Элина проверила каждый оборот.

— Слишком близко к правому углу.

— Там крышка толще.

— Там проходит линия нагрузки.

— У ящика или у моста?

— Да.

Ива передвинула узел на два пальца. Элина кивнула.

Второй конец нити она закрепила на перилах между третьей и четвёртой плитами. Затем провела короткую петлю вокруг запястья Савена.

— Назовите три вещи отдельно, — сказала она. — Что вы везёте. Что хотите сохранить. Куда согласны попасть.

— Семь музейных предметов. Их целость. На нейтральное место проверки.

— Где оно?

Савен растерялся.

Ива указала на плавучую кухню.

— Вода не принадлежит ни одному берегу.

Тая издали увидела её жест и грозно подняла половник.

— Кажется, вода принадлежит моей сестре, — сказала Ива.

— Тогда спросите согласия, — ответила Элина.

Тая выслушала предложение, не переходя ограждение.

— Ящик ставите на пустой настил для рыбы, не рядом с едой. Жители выбирают ещё двух свидетелей. Никто ничего не открывает, пока я не погашу огонь. Если из вашей древности полезет плесень, суп не пострадает.

— Согласны? — спросила Элина Савена.

— Согласен.

— Теперь шагните не вперёд и не назад. К перилам.

Савен повёл тележку поперёк моста. Первое колесо коснулось края плиты. Серебряная нить зазвенела, и из камня выдвинулась узкая площадка. Не дорога к берегу — причал посреди пролёта.

Ива почувствовала, как узор на ладони отозвался теплом. Из щели между плитами показался зелёный побег, обвил нить и закрепил площадку снизу.

— Я этого не делала, — сказала она.

— Но ваш узел предложил форму, — ответила Элина. — Мост принял её, потому что Савен честно согласился на нейтральное место.

— Значит, он умеет строить не только переход.

— Мост умеет всё, что остаётся между целями. Обычно люди слишком торопятся на другой берег, чтобы заметить.

Ива посмотрела на неё. Фраза была о камне, но отозвалась не только камнем.

Тележку спустили на кухню по временному настилу. Тая расставила свидетелей: Рему и Орса от квартала, Савена от музея, Меллу от питомника. Лоран заявил, что представляет фонд, но Тая велела ему стоять отдельно как заинтересованному директору.

— Я и есть музей.

— Это плохое устройство учреждения, — сказала Тая.

Ива подавила улыбку.

Пломб было три. Первая — мостовая, с отметкой Элины пятилетней давности. Вторая — музейная, свежая. Третья скрывалась под дном ящика: тонкий корешок засохшей ивы, уложенный в восковую борозду.

— Питомник plomb не ставит, — сказала Мелла.

— Это не plomb, — ответила Ива. — Прививочный замок. Если открыть крышку, не отделив корень, содержимое продолжит последнее записанное условие.

— Уничтожить без вскрытия, — сказал Савен.

— Возможно.

— Вы снова не уверены.

— Поэтому не открываю.

Элина легла на настил и осмотрела дно.

— Корень проходит под левой доской и входит в колесо. Если поднять ящик, замок затянется.

Ива присела рядом.

— Если покатить, колесо провернёт его.

— Значит, тележка была собрана вокруг ящика.

— Или ящик поставили, сняв колесо.

— Следов снятия нет.

Они одновременно потянулись к втулке и столкнулись плечами. Элина не отстранилась. Ива тоже.

— Смотрите, — сказала мостостроительница.

На железном ободе был выбит номер `44-Б`.

Тележка принадлежала не музею. Её собрали для улицы, которой ещё вчера не существовало.

— Рост сделал её ночью, — прошептала Мелла.

— Из чего? — спросил Орс. — В домах железа не было.

Савен провёл пальцем над ободом, не касаясь.

— В музейном дворе стояла обычная тележка. Я сам взял её час назад.

— Улица продолжила не предмет, а запись о нём, — сказала Ива. — Как с актами. Номер квартала появился, потому что накладная назначила его получателем.

— Тогда весь ящик может быть продолжением документа, — заметила Элина.

Лоран побледнел ещё сильнее.

— Вы хотите сказать, предметов внутри нет?

— Нет, — сказала Ива. — Мы говорим, что пока не знаем, где заканчивается груз и начинается выращенная версия груза.

Тая погасила огонь под котлом и подошла ближе.

— Что нужно, чтобы узнать?

Ива и Элина ответили одновременно:

— Разделить нагрузки.

Они посмотрели друг на друга.

— В саду это называется отделить подвой от привоя, — сказала Ива.

— На мосту — снять временную опору до основной.

— Кто первая?

— Одновременно.

Ива объяснила свидетелям порядок. Элина отметила мелом четыре точки, которые нельзя было пересекать. Мелла приготовила горькую иву, но держала её в закрытом мешке. Савен назвал вслух, что не даёт согласия на уничтожение. Рема записала его слова на чистой бумаге, принесённой с кухни, а Орс проверил, что на листе нет старой пульпы.

По знаку Элины Ива надрезала прививочный замок не поперёк, а вдоль. В ту же секунду Элина ослабила мостовую пломбу ровно на один оборот.

Ящик вздохнул.

Не треснул и не открылся — именно вздохнул, выпустив из щелей запах пыли, речной воды и яблок.

На крышке номера 730–736 потемнели. Рядом с каждым возникло слово.

`730 — ПЕРЕДАНО.`

`731 — ПОСАЖЕНО.`

`732 — ВОЗВРАЩЕНО.`

`733 — ОТКАЗАНО.`

`734 — УТРАЧЕНО.`

`735 — СОГЛАСОВАНО.`

`736 — ОТКРЫТО.`

Последнее слово оказалось зелёным.

— Крышка закрыта, — сказал Савен.

— Для документа ящик уже открыт, — ответила Ива.

Изнутри донёсся лёгкий удар.

Потом второй.

Мелла подняла мешок с горькой ивой.

— Там кто-то есть?

— Не человек, — сказал Лоран. — Ящик слишком мал.

— Вы это знаете или надеетесь? — спросила Тая.

Лоран не ответил.

На боковой стенке проступила тонкая дверца размером с ладонь. За ней горел тот же зелёный свет, который Ива видела в окнах улицы. Маленькая лестница уходила вниз гораздо глубже, чем позволяла высота ящика.

Элина немедленно затянула пломбу обратно.

Дверца осталась.

— Мостовая мера не закрывает садовый рост, — сказала она.

— А горькая ива может уничтожить следы, — ответила Ива.

— Проверка без доверия зашла в тупик?

— Нет. Просто теперь ваша очередь поверить моему «не знаю».

Элина посмотрела в зелёный проём.

— Верю, что вы не знаете.

— Для начала достаточно.

Ива не стала касаться дверцы. Внутри, у подножия невозможной лестницы, мелькнула фигура в форменном пальто. На этот раз женщина повернулась лицом.

На левой щеке не было ожога.

Зато на груди блестела директорская цепь Лорана.

Фигура подняла голову и сказала его голосом:

— Опись должна быть исправлена до полудня.

Лоран отшатнулся.

Зелёный свет погас. Дверца закрылась, оставив на стенке ящика семь узких царапин.

Колокол музея ударил в третий раз.

— Это вызов хранителей, — сказал Лоран. — Кто-то открыл главный фонд.

— Карточки 730 и 731? — спросила Рема.

— Все карточки.

Он побежал к сходням. Элина не преградила ему путь, но бросила Савену:

— Ящик остаётся здесь под шестью свидетелями.

— Семью, — сказала Тая. — Котёл тоже видел.

Лоран уже ступил на мост. У первой плиты он назвал цель:

— Сохранить музей.

Камень выдержал.

Но у пятого пролёта дорога разделилась перед ним надвое.

Один путь вёл к распахнутым дверям фонда. Второй — к маленькой служебной двери, из которой выносили пустые ящики.

Лоран остановился между ними.

Ива поняла: мост не обвинял его. Он лишь показал, что хранитель по-прежнему не решил, что именно называет музеем.

Глава 7. Возможность в камне

Лоран выбрал главный вход.

Он сделал это не словом. Просто поставил правую ногу на широкую дорогу, ведущую к распахнутым музейным дверям. Узкий путь к служебному двору сразу потемнел, словно его залили дождевой водой.

— Стойте, — сказала Элина.

Лоран не обернулся.

— В фонде люди. Если карточки открыты, любой отказ может получить продолжение.

— А пустые ящики сами дошли до питомника? — спросила Ива.

— У нас нет времени проверять оба предположения.

— Поэтому вы выбираете то, где вас увидят директором.

Он всё-таки посмотрел на неё. Лицо у него было белее музейной пыли, но голос остался ровным.

— Я выбираю место, где опасность больше.

Под его ногой камень выдержал. Ива ожидала хотя бы трещины, однако мост не судил, насколько мудра цель. Ему хватало, что Лоран верил собственным словам.

Элина сошла с развилки на причал и проверила крепление тележки. Савен, Рема и Орс остались у ящика. Тая объявила, что до возвращения Ивы никто не получит ни ключа, ни супа, и это прозвучало надёжнее музейной охраны.

— Мы идём за ним? — спросила Мелла.

— Ты остаёшься здесь, — ответила Ива.

— Потому что я ученица?

— Потому что ты знаешь, как остановить прививочный замок, если слово «открыто» решит стать действием. И потому что я доверяю тебе не открывать ящик из любопытства.

Мелла хотела спорить, но последнее признание удержало её лучше приказа.

— Если дверца появится снова?

— Запиши, кто её видел и что она сказала. Не отвечай. Не предлагай решения. Не позволяй никому закончить за неё фразу.

— А вы куда?

Ива посмотрела на две дороги. Широкая ещё держала след Лорана. Узкая снова проступила у края пролёта, но теперь предназначалась не директору.

— Туда, откуда выносили пустые ящики.

Элина уже сматывала серебряную нить.

— Я пойду с вами.

— Музейный вход на вашем берегу. Вас ждут там.

— На моём берегу сейчас два входа. Я отвечаю за путь, который пытаются не заметить.

Она сказала это мосту. Узкая дорога посветлела и протянулась к служебному двору.

Ива назвала свою цель:

— Найти место, где груз стал пустым, и не позволить готовому ответу заменить доказательство.

Камень подался под ногой, как влажная земля, затем окреп. Две их дороги совпали лишь на первых трёх плитах. Дальше между ними оставалась щель шириной с ладонь.

— Мост считает, что наши цели различаются, — сказала Ива.

— Они и различаются.

— Вы ищете путь. Я — подмену.

— И обе пока идём в одну сторону.

Они двинулись рядом. На пятой плите Ива оглянулась. Лоран уже достиг музейной площади; люди в серых накидках сомкнулись вокруг него. С такого расстояния нельзя было понять, спасал он фонд или возвращал себе власть над ним.

Служебная дорога привела не к воротам, а под них. Последний пролёт опустился вдоль стены узкой лестницей, которой утром не существовало. Внизу пахло мокрым известняком, яблоками и той же пылью, что вышла из ящика.

Элина присела возле первой ступени.

— Не наступайте.

— Рост?

— Память на грузки. Здесь недавно прошёл тяжёлый груз, но камень не решил, в какую сторону.

Ива увидела две вмятины на одном месте. Одна кромка была стёрта вниз, другая — вверх. Как если бы тележку одновременно ввезли и вывезли.

— Документ продолжает оба действия, — сказала она.

— Или кто-то провёз полную тележку внутрь, а пустую наружу.

— Семь раз?

— Узнаем внизу.

Элина достала из сумки три коротких штыря. Первый вбила в стену над лестницей, второй — в боковую плиту моста, третий оставила в ладони.

— Страховка? — спросила Ива.

— Свидетельство. Если лестница изменит направление, нить покажет, какая опора первой приняла новый вес.

— А третий?

— Для нас.

Она предложила Иве держаться за свободный штырь. Их ладони легли на холодный металл с разных сторон. Зелёные узоры на коже вспыхнули, и между пальцами проросла тонкая белая жилка.

Ива едва не выпустила штырь.

— Это опасно?

— Не знаю.

— Вы удивительно быстро учитесь полезным ответам.

— Рядом хороший пример.

Они спустились. Лестница пыталась стать то въездом, то выездом, но серебряная нить удерживала разницу. На каждой ступени Ива называла увиденное: след колеса, стружку от ящика, каплю серого воска. Элина отвечала названием на грузки: вниз, вверх, неподвижно. Пока они не соглашались на единую версию, камень оставался камнем.

Внизу оказался двор без неба. Высокие стены окружали прямоугольник, заставленный пустыми ящиками. Их было не семь, а несколько десятков. На крышках белели номера, и многие повторялись.

730` стоял трижды.

731` — пять раз.

У дальней стены Ива нашла 736`, аккуратно выведенный зелёной краской на каждом ящике в целом ряду.

— Опись выращивает тару, — сказала она.

— Или тара выращивает опись.

— Проверим древесину.

Она не стала касаться ближайшего ящика. Сначала осмотрела щели, понюхала смолу, провела ножом по пыли на полу. В одном месте пыль лежала поверх следа, в другом сам след был отпечатан на пыли, как рисунок.

— Настоящие стоят у стены, — решила Ива. — На них пыль падала после перевозки. Остальные выросли уже с собственной пылью.

Элина закрепила нить на ручках двух ящиков с номером 731 — старого и гладкого.

— Поднимем на палец.

Они взялись одновременно. Старый ящик скрипнул и остался на месте. Гладкий поднялся без веса. Зато каменная плита под ним прогнулась, будто держала тяжесть целого дома.

— Груз записан не внутри, — сказала Элина. — Он отдан основанию.

Ива опустилась на колени. По плите расходились едва заметные линии, образуя план улицы 44-Б. В прямоугольниках комнат были вписаны музейные номера. Семь пропавших предметов стали фундаментом квартала ещё до того, как первый черепок коснулся гряды.

— Поэтому улица знала, как продолжать документы, — сказала она. — Мы думали, что посадили один смешанный обломок. На самом деле корни уже были привязаны к семи решениям через перевозку.

— Кто-то провёл вес предметов через мост и оставил его здесь.

— Можно оставить вес без вещи?

Элина не ответила.

Она стояла неподвижно, глядя не на ящики, а на плиту возле водостока. В камне там темнел небольшой предмет — овальный, гладкий, величиной с перепелиное яйцо. Он был вмурован наполовину, однако не походил ни на гальку, ни на часть кладки. По его поверхности шла серебряная черта.

Ива шагнула ближе.

— Это мостовой камень?

— Не трогайте.

В голосе Элины впервые прозвучал не приказ мастера, а страх.

Ива остановилась.

— Он ваш.

Элина сняла перчатку. Зелёный узор на ладони заканчивался точно такой же овальной петлёй.

— Пять лет назад я сопровождала груз от музея до этого двора, — сказала она. — Семь ящиков, семь записей веса. Нисса Тор предъявила разрешение директора и назвала цель: передать предметы на временную проверку мостовых оснований.

— А ваша цель?

— Обеспечить безопасный переход музейного груза.

— Это было правдой.

— Сначала.

Элина опустилась возле камня, не касаясь его.

— На середине моста пломба одного ящика треснула. Нисса потребовала продолжить путь. Я увидела, что внутри нет предмета. Только карточка и кусок садовой пульпы.

— Вы остановили груз?

— Нет.

Двор словно стал теснее. Где-то наверху ударил четвёртый музейный колокол.

— Почему?

— Потому что мост уже закрылся для военного движения, а музейное открытие должно было подтвердить перемирие. Если бы я объявила груз подложным, оба берега обвинили бы друг друга в краже отказов. Я решила, что довезу ящики до закрытого двора, а потом разберусь без свидетелей.

— И какую цель вы назвали мосту?

Элина долго смотрела на вмурованный камень.

— Что везу семь запечатанных музейных предметов для сохранения мира.

— Но вы знали, что один ящик пуст.

— Знала.

Ива ждала. Элина не оправдывалась тем, что ложь была полезной или что война могла вернуться. Только провела большим пальцем по краю перчатки, словно проверяла старый шов.

— Мост забрал возможность сразу? — спросила Ива.

— До этого двора я дошла. Здесь из опоры вышел этот камень. Я поняла цену позже.

— Какую?

Элина поднялась.

— Не спрашивайте.

— Эта потеря связана с семью ящиками.

— Ложь связана. Потеря — моя.

Ива почувствовала резкий ответ прежде, чем успела выбрать его. Элина пять лет скрывала улику, а теперь требовала уважать границу именно там, где молчание мешало расследованию. Но злость не превращала чужую боль в общественную собственность.

— Хорошо, — сказала она. — Я не стану спрашивать, что вы потеряли. Скажите, что камень делает здесь.

Напряжение в плечах Элины ослабло не сразу.

— Хранит возможность в том виде, в каком мост её отнял. Не саму жизнь и не воспоминание. Только вес пути, который теперь нельзя пройти.

— Значит, подмена использует не предметы. Она использует вес невозможных путей.

Элина резко посмотрела на плиту с планом квартала.

— Поэтому гладкий ящик ничего не весит.

— Его тяжесть уже в основании. Чужой отказ даёт росту форму, а отнятая мостом возможность заставляет эту форму казаться единственной.

Ива достала два зажима, золотой и зелёный, но не приблизилась к камню.

— Я могу отделить его линию от плиты. Не вынуть и не вернуть. Только не дать ей питать улику.

— Если отделите сейчас, все выращенные ящики могут получить вес обратно.

— И провалить двор.

— Или мост.

Сверху донёлся глухой треск. Серебряная нить на лестнице натянулась. Первый штырь дрогнул у музейной стены, второй остался неподвижен в мостовой плите.

— Изменился музей, не мост, — сказала Элина.

Между ящиками зажглись зелёные щели. Крышки начали приподниматься одна за другой. Внутри не было ни чашек, ни ключей, ни писем. Каждый ящик содержал маленькую комнату, дорогу или мост — готовый исход чьего-то решения.

В ближайшем Ива увидела питомник без улицы 44-Б. Грядки лежали ровными рядами, Мелла работала без ошибок, Тая приносила обед, и ни один житель не требовал права выбирать посадку. Спокойная, безупречная жизнь.

— Не смотрите долго, — сказала Элина.

Её собственный ящик открылся у водостока. Ива увидела только край реки и две женские руки на одном весле. Элина захлопнула крышку ударом ладони.

Камень её возможности засветился.

Все ящики повернулись к нему, как цветы к солнцу.

— Теперь можно доказать связь, — сказала Ива. — Но если останемся, двор предложит нам причины ничего не менять.

— Лестница ещё держится.

— Мы должны выбрать, что вынесем: камень или доказательство в плите.

— Камень не вынести. Он часть цены.

— Тогда метку.

Ива сняла с пояса мешочек с угольной землёй и высыпала тонкую полоску поперёк линий квартала. Обычная земля не стала частью выращенного чертежа. Она легла поверх него, показывая разницу между настоящей плитой и продолжением документа.

— Нужен отпечаток, — сказала Элина.

Она протянула серебряную нить через угольную полосу, прижала к плану и намотала обратно на катушку. На металле осталась чёрная схема с семью узлами и восьмым овалом у водостока.

— Этого хватит?

— Для обвинения — нет. Для публичной проверки — да.

— Тогда уходим.

Гладкие ящики задвигались, освобождая им прямой проход к лестнице. Именно поэтому Ива поняла, что идти туда нельзя. Рост слишком охотно предлагал выход.

Она посмотрела на настоящие, пыльные ящики у дальней стены. За ними виднелась низкая дверь без ручки.

— Здесь доставляли груз, — сказала она. — Значит, должен быть путь, не выращенный для нас сейчас.

— Дверь может вести в музей.

— Или к реке. Но у неё есть пыль.

Они пошли между старых ящиков. Зелёные комнаты вокруг показывали Иве всё более точные варианты покоя: улицу, уничтоженную вовремя; Рему, благодарящую за спасение; Лорана, добровольно отдающего журналы; Элину, ожидающую её на мосту без единого секрета. Последний образ оказался опаснее остальных. Ива отвернулась.

Низкая дверь не открылась, пока они обе не положили руки на каменную плиту рядом.

— Цель, — сказала Элина.

— Выйти с доказательством и вернуться за остальным при свидетелях.

— Вывести Иву и сохранить путь для публичного осмотра.

— Сначала себя выведите.

— Моя формулировка честная.

— И всё равно раздражает.

Дверь приоткрылась. За ней была река — узкая полоса воды между музейным фундаментом и нижней опорой моста. На цепи покачивалась плоскодонная лодка.

На корме сидела широкоплечая женщина в синем плаще. Она держала весло поперёк коленей и смотрела прямо на Элину.

— Опоздала на пять лет, сестра, — сказала она.

Элина замерла. Потом шагнула так, чтобы заслонить от женщины светящийся двор.

— Сона. Кто тебя сюда позвал?

— Пустые ящики. Они сегодня разговорчивее людей.

Ива вспомнила имя из списка речных перевозчиков. Сона Вард ходила между берегами на лодке, не пользуясь мостом.

— Вы можете доставить нас к кухне? — спросила Ива.

— Могу. Если Элина честно скажет, что вынесла из двора.

Элина сняла с катушки короткий отрезок нити с угольным отпечатком и показала сестре.

— Схему веса семи музейных решений.

— И?

— Связь с моей старой ложью.

Вода под лодкой осталась спокойной. Здесь не было камня, способного потребовать большего.

Сона посмотрела на Иву.

— Она сказала вам цену?

— Я не спрашивала после того, как она отказалась отвечать.

В лице Соны что-то изменилось. Не благодарность — скорее пересмотр заранее вынесенного решения.

— Тогда садитесь.

Элина отвязала цепь, но перед тем, как войти в лодку, оглянулась на камень у водостока.

— Я должна была сообщить о пустом ящике в тот же день, — сказала она. — Не сделала этого. Всё, что выросло из моего молчания, тоже моя ответственность.

— Не всё, — ответила Ива. — Ответственность не то же самое, что единоличная вина. Иначе мы снова построим один готовый ответ.

— Вы всегда спорите с признаниями?

— Только с теми, которые пытаются закрыть расследование.

На этот раз Элина улыбнулась первой. Усталость не исчезла, но лицо перестало быть каменным.

Они сели рядом на средней банке. Сола оттолкнулась от стены, и лодка вошла в тень моста.

Над ними музей звонил тревогу. На дальнем причале Мелла и Тая держали караул у ящика. Между двумя берегами лежала серебряная нить с отпечатком семи чужих решений и одной возможности, которую нельзя было вернуть.

Ива знала теперь достаточно, чтобы не доверять ни музею, ни улице, ни удобной версии прошлого. Но Элине она доверила место рядом — не потому, что та раскрыла всё, а потому, что впервые точно назвала границу между признанием и правом на чужую боль.

Когда лодка вышла к свету, на главной музейной лестнице уже выставляли столы с открытыми карточками.

А на Берегу Камня, далеко за крышами фонда, один за другим загорались окна домов, где каждой комнате заранее назначили единственно правильное назначение.

Межчасть I. Каталог чашки

Главный фонд Музея дня окончания войны

Опись № 731

Наименование: чашка чайная, белая, с синей полосой по краю.

Состояние при поступлении: расколота на две части. Утрата ручки более ранняя; место скола сглажено постоянным использованием. На внутренней стороне следы липового настоя. На дне — круг от многократного нагревания.

Владелица: Ада Сааль, прачка Берега Садов.

Дата передачи: день закрытия военных мостов.

Обстоятельства решения: владелица собрала дорожный узел и пришла к северной переправе до рассвета. После объявления перемирия вернулась в дом сестры. Чашку уронила на камни у въезда.

Принятое толкование: отказ уехать.

Сохранённая возможность: жизнь на Берегу Камня.

Свидетели: двое мостовых караульных; имена перенесены в закрытое приложение.

Согласие на хранение: получено устно.

Согласие на публичный показ: получено устно.

Согласие на исследование: получено устно.

Согласие на посадку или иное продолжение решения:

Примечание младшего описателя, внесённое через три дня: владелица просила считать чашку не отказом уехать, а отказом решать до возвращения сестры. Старший хранитель постановил оставить первоначальное толкование как более ясное для посетителей.

Примечание к примечанию: ясность описания не изменяет предмет.

Исправление: слово «временно» перед словом «вернулась» зачёркнуто по распоряжению директора.

Основание исправления: последующая жизнь владелицы подтверждает окончательность решения.

Дата подтверждения: на девять лет позже даты передачи.

Подпись владелицы: отсутствует.

Подпись хранителя: Нисса Тор.

Место хранения: шкаф 7, полка 3.

Перемещения:

1. Главный фонд — выставочный зал. Основание: годовщина перемирия.

2. Выставочный зал — мастерская очистки. Основание: трещина по синей полосе.

3. Мастерская очистки — хранилище мостовых оснований. Основание: временная проверка веса решения.

4. Хранилище мостовых оснований — главный фонд. Основание: возврат без изменений.

5. Главный фонд — питомник Берега Садов. Основание: согласованная посадка.

Подпись получателя в пункте 5: Ива Ренн.

Дата пункта 5: следующий день после открытия улицы 44-Б.

Служебная отметка: запись создана до события в порядке внутреннего продолжения.

Результат сверки при открытии фонда: предмет отсутствует; карточка находится на месте; поле согласия на посадку не заполнено.

Предлагаемое исправление: считать отсутствие заполненного поля техническим пропуском, поскольку посадка подтверждена последующим ростом.

Решение комиссии: отложено.

Ниже последней строки зелёными буквами проступила ещё одна:

Если решение выросло, согласие подразумевалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.